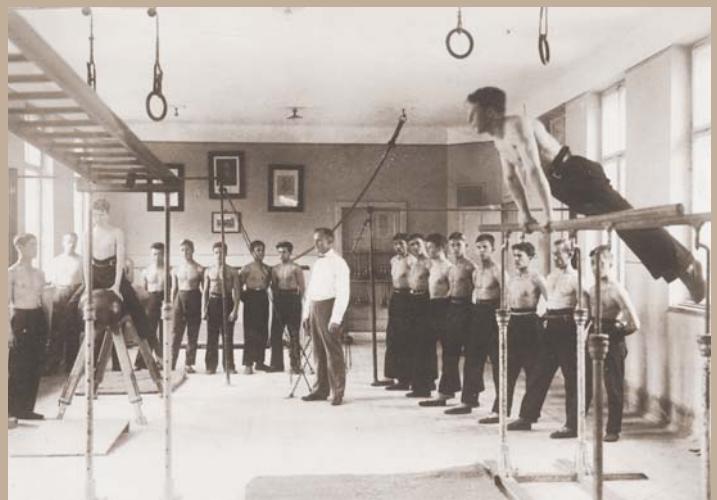

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ

Фотоальбом

Светлой памяти
О. А. Рождественского,
его друзей трежебовцев и всех наших соотечественников,
изгнанных правды ради,
посвящается

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ

Фотоальбом

Предисловие Н. П. Рождественской

Автор-составитель И. В. Козырь

Санкт-Петербург
2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2019 г. мне при поддержке Международной ассоциации «Русская культура» и моих друзей удалось издать альбом «Русская гимназия в Моравской Тржебове (1929–1933)». Основой для него стал выпускной фотоальбом моего дяди Олега Алексеевича Рождественского (1909–1992), выпускника этого учебного заведения, с расшифровкой сделанных им пометок и кратким комментарием к ним. Это издание по замыслу издателей должно было стать подспорьем в работе исследователей, изучающих культуру и историю Русского зарубежья, а для меня лично являлось выражением глубочайшего уважения и данью памяти русским людям, вынужденным покинуть Родину в годы лихолетья. С некоторыми из них меня свела судьба во время пребывания в Соединенных Штатах Америки. Младшие представители русской эмиграции первой волны, они, пережив ужасы октябряского переворота 1917 г. и Гражданской войны, скитания и лишения изгнанников, на всю жизнь сохранили глубокую любовь к России, верность родному языку. Для многих из них Русская гимназия в Моравской Тржебове стала родным домом, а годы, проведенные в ней, — лучшими годами детства и юности, согретыми заботой и любовью их наставников, вниманием гостеприимного правительства Чехословацкой Республики. После окончания Второй мировой войны они проводили регулярные встречи выпускников гимназии в Праге, собирающие до двух сотен тржебовцев.

Мне довелось присутствовать на встречах выпускников Русской гимназии в Моравской Тржебове в доме Веры Александровны Форбс (урожденной Митинской) в Вашингтоне, где помимо узкого круга ее друзей собиралась практически вся русская диаспора американской столицы. Многие из них удостоили меня своей дружбы, продолжавшейся потом долгие годы, а потом, предвидя неизбежный уход из жизни, делились документами из семейных архивов и собственными воспоминаниями. Мне удалось уговорить их записать на магнитофонной пленке свои воспоминания, которые теперь хранятся в моем доме, дожидаясь своего часа. Нередко от них можно было услышать вопрос: «Зачем и кому это нужно?» Но я уверена, что когда-нибудь эти записи будут востребованы и станут дополнением к изданным нам альбомам. Уже после первых презентаций на них откликнулись потомки русских эмигрантов и их родственников, оставшихся в России и стремившихся узнать как можно больше о судьбе своих близких.

В памяти навсегда сохранятся имена Дмитрия Дмитриевича Введенского (1898–1985), Никиты Николаевича Жекулина (1917–1992), а также Натальи Борисовны де Ланжерон (1913–2004), в девичестве Евреиновой, с которой я познакомилась во время поездки в Брюссель, где погребен мой дед, офицер Российского императорского флота, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Цусимского сражения, Алексей Степанович Рождественский (1883–1948).

Среди документов и материалов, доставшихся мне от них и их друзей, оказался еще один альбом, содержащий более 200 фотографий, освещавших историю Русской гимназии с первых дней ее существования в Константинополе, то есть с 1920 г., и период пребывания в Моравской Тржебове с 1921 по начало 1930-х гг. Этот альбом сохранился намного хуже принадлежавшего Олегу Рождественскому. По существу, это разрозненные листы с фотографиями, сложенные в его прежней обложке. Некоторые групповые фотографии снабжены подробным списком изображенных, наряду с этим имеется большая подборка портретов преподавателей и воспитателей, но есть много снимков без подписей, и потребуются дополнительные усилия, чтобы узнать имя каждого запечатленного на них человека. Неожиданной стала помочь потомков Сергея Васильевича Зубарева, воспитателя Русской гимназии в Моравской Тржебове. Семья его внучки Татьяны Баласюк щедро поделилась с нами фотографиями и материалами своего архива. Хочется выразить им глубокую признательность за участие в нашей работе.

Чтобы читателю было понятно, какие люди и события попали в объектив неизвестного фотографа, потребовался сопроводительный текст, подготовленный моим верным другом и помощником Игорем Козырем. Благодаря этому альбом может быть интересен не только для потомков тржебовцев, но и для всех интересующихся и профессионально занимающихся изучением истории Русского зарубежья.

Нина Петровна Рождественская

Здание учебного корпуса и интерната
Русской гимназии в Константинополе

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Инициатором создания гимназии для детей русских беженцев в Константинополе стала Аделаида Владимировна Жекулина. Приглашенный ею в качестве директора будущего учебного заведения Адриан Петрович Петров писал: «Аделаида Владимировна произвела на нас прямо ошеломляющее впечатление своим энтузиазмом, верой в свои силы, в Россию...»

Переговоры А. В. Жекулиной как представителя Главного комитета Всероссийского совета городов (Земгора) с членами Правительства Юга России осенью 1920 г. завершились получением разрешения открыть в Константинополе гимназию со всеми правами русских правительственные учебных заведений за границей. Необходимую финансовую и материальную помощь оказали Американский Красный крест, община меннонитов, Всероссийский земский союз и Комитет по оказанию помощи русским беженцам. Деятельное участие в решении организационных вопросов приняли представители Земгора П. Д. Долгоруков и П. П. Юрьев.

В ноябре после долгих поисков и мытарств в квартале Топхане удалось снять большой старый дом — бывший гарем, с великолепным видом на Босфор и большим садом. Американец Уитмор оплатил аренду этого здания на год вперед и лично руководил его ремонтом.

5 декабря состоялось торжественное открытие гимназии. 6 и 7 декабря были произведены приемные и проверочные испытания, учащиеся распределены по классам, а с 8 декабря начались занятия.

Учащиеся и персонал Русской гимназии во дворе учебного корпуса в Топхане. Среди них видны фигуры А. В. Жекулиной, П. Д. Долгорукова, А. П. Петрова, В. Н. Светозарова и др. 1920 г.

Еще одно групповое фото
учащихся и персонала
Русской гимназии во дворе
учебного корпуса в Топхане.
1920 г.

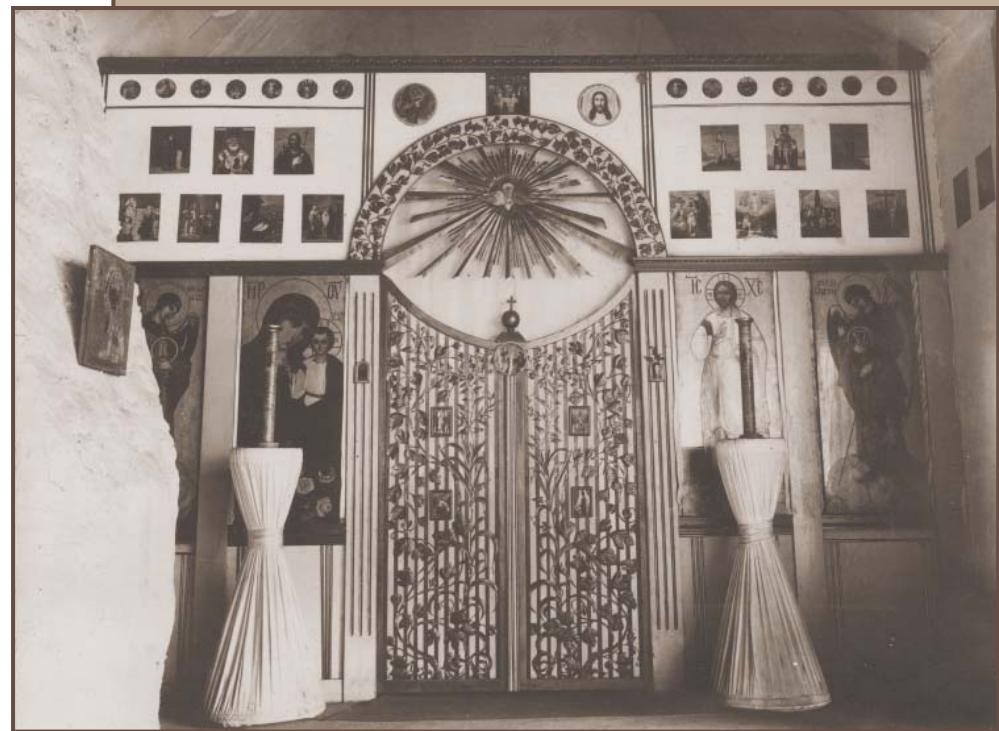
В составе гимназии функционировали восемь классов, включая один приготовительный, в которых проходили обучение 125 девочек и 196 мальчиков. Первоначально 100 из них были размещены в интернате, но жизнь показала, что нуждающихся в еде и одежде намного больше, поэтому вскоре количество интернов увеличилось до 240, и для них открыли три дополнительных отделения, находящихся довольно далеко от здания гимназии. Наплыв беженцев после эвакуации Белой Армии из Крыма вынудил увеличить прием в гимназию. Численность гимназистов колебалась от 300 до 350, а за все время существования гимназии в Константинополе в ней проходили обучение 960 человек.

Первый директор Русской гимназии А. П. Петров так сформулировал задачу, стоящую перед педагогическим составом: «Весь строй школы должен быть поставлен так, чтобы уроками, рекреациями, жизнью в интернате действовать на всю душу ребенка или юноши, одновременно лечить, воспитывать и учить. Наша школа должна стать прежде всего школой-семьей, где жизнь педагога неразрывно связана с детской жизнью, где не будет двух лагерей: „мы“ и „оны“, а все будут спаяны воедино. Далее наша школа, в виду переживаемого времени, должна думать о воспитании воли, характера, борьбе с той дряблостью и мягкотелостью, которая так разительно сказалась в русской интелигенции в годину тяжких испытаний. Наконец, третья — и, может быть, самое важное: руководясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная и ответственная задача — сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной Отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы — словом, дать знание и понимание родного края».

Неотъемлемой частью учебного процесса являлось религиозное воспитание. С этой целью при гимназии в кратчайший срок была создана собственная церковь, торжественное освящение которой состоялось 23 апреля 1921 г.

Дети приняли самое активное участие в этой работе: исключительно руками учащихся были сделаны Царские врата, полукруг над ними, иконостас, три аналоя, престол и жертвенник; девочками были вышиты пелены на аналои, воздухи, облачения на престол и жертвенник.

Законоучителем и духовным наставником детей в это время стал Михаил Иосифович Слуцкий. Бывший военный священник Вооруженных сил Юга России, раненный в боях с большевиками, был вывезен

Гимназическая церковь

из Новороссийска на лечение в Пирей, Греция. В Константинополе несколько месяцев прослужил в Русской гимназии, откуда был делегирован в 1921 г. для участия в Русском зарубежном церковном соборе в Сремских Карловцах, Королевство сербов, хорватов и словенцев, и остался в этой стране. Оставил после себя труды духовного содержания.

Помимо забот о душе каждого ребенка большое внимание уделялось здоровью ребят, ослабленному перенесенными лишениями. Врачу гимназии вменено было в обязанность не только участвовать в составлении меню, не только наблюдать за доброкачественностью продуктов, но и строго следить за питательностью кушаний с медицинской точки зрения. В результате питание в интернате, в период пребывания в Константинополе, по заключению врача, давало от 2 800 до 3 200 калорий, а для слабых усиленное питание доходило

Лазарет

Спальная комната (дортуар)

Амбулатория

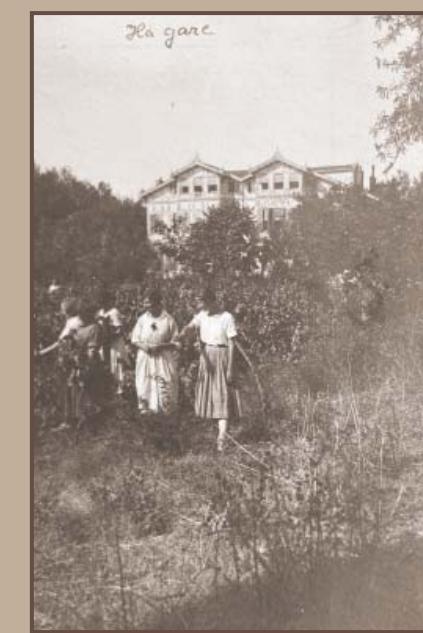
Занятия гимнастикой

до 4 000 калорий. Такое положение сохранилось в целом и после переезда в Моравскую Тржебову.

Большое внимание уделялось изучению иностранных языков. В гимназии преподавались французский, немецкий и английский при обязательном изучении первых двух. Наряду с этим были введены обязательные уроки ручного труда, а во внеурочное время организованы специальные курсы рукоделия и изящных работ для девочек.

Занятия гимназистов выпускного 8-го класса продолжались без каникул, а для всех остальных был организован в летнее время посменный двухнедельный отдых на даче — в помещении с садом на берегу Мраморного моря в Эрен-Кее. Во время пребывания на даче взамен уроков преподавателями проводились совместные чтения и беседы по учебным предметам; кроме того, дети привлекались к работам в огороде и поле.

Загородный отдых гимназистов
на острове Халки (Принцесы острова)
и в Эрен-Кее

Особенностью учебного процесса являлось то, что большая часть занятий, требующих пребывания в классах, была перенесена на осенний семестр, а летний отведен преимущественно для практических занятий на открытом воздухе и экскурсий.

Как отмечалось в юбилейном отчете, посвященном 10-летию Русской гимназии, В. Н. Светозарова: «Школьная работа освежалась и подкреплялась интересными экскурсиями как для осмотра редких достопримечательностей Константинополя под руководством художника Пинегина, так и для изучения природы».

20 сентября 1921 г. состоялся первый выпуск окончивших гимназию. К экзаменам не были допущены только двое учащихся из-за неуспеваемости по состоянию здоровья. Остальные 50 получили аттестаты зрелости. Семеро гимназистов были удостоены золотой медали, еще девять — серебряной.

В октябре был произведен прием новых воспитанников, но в этом же месяце выяснилась невозможность существования гимназии в Константинополе и решен переезд в Чехословакию. Численность обучающихся была доведена до 550 человек, соответственно увеличился состав педагогов. Воспитателей теперь стало 11, преподавателей — 24, не считая служебного персонала.

Персонал гимназии.
Групповое фото по случаю
проводов профессора
С. К. Гогеля

Первый выпуск
Константинопольской
русской гимназии

1-й ряд: неизв., В. Троицкий,
В. А. Богенгардт,
И. П. Радкевич, М. И. Слуцкий,
А. П. Петров, В. Н. Светозаров,
К. П. Гандурина,

З. И. Макарова,
С. Е. Карапалкин,
П. (неразб.) Шиплевский,
М. А. Лопуховский;

2-й ряд: Э. де Антонини,
Е. Толстая, О. Моллова,
Ж. Стэтлер (Gerald Stetlaire),
проф. С. К. Гогель, Е. В. Курис,
полк. М. М. Газалов,

М. И. Строс (?), Н. Варшавская,
Е. Бибикова, В. Фицхелаурова,
О. Родкевич, В. Запольская;

3-й ряд: неизв., П. Пчельников,
С. Долгов, К. Юрьевич,
В. Бондарь, Тумбург,

В. Лучезаров, В. Васильев,
П. Борейшо, Г. Георгиев,
В. Зернов, С. Чередеев,

К. Кузнецов, Б. Немченко;
4-й ряд: неизв., В. Нечаев,

В. Низовский, А. Ставровский,
А. Козыренко, Д. Быстролетов,
И. Автократов, И. Стоянов,

Братусь, А. Сергеенко,
М. Глазунов, А. Лозинский,
Н. Лазарев, А. Коваленко,
К. Васькова;

5-й ряд: Л. Брон, В. Клодт, Я. Скубко, Ф. Леонтьев,
М. Львович-Костица, В. Копьев, С. Семененко.

РУССКАЯ РЕФОРМИРОВАННАЯ ГИМНАЗИЯ В МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ

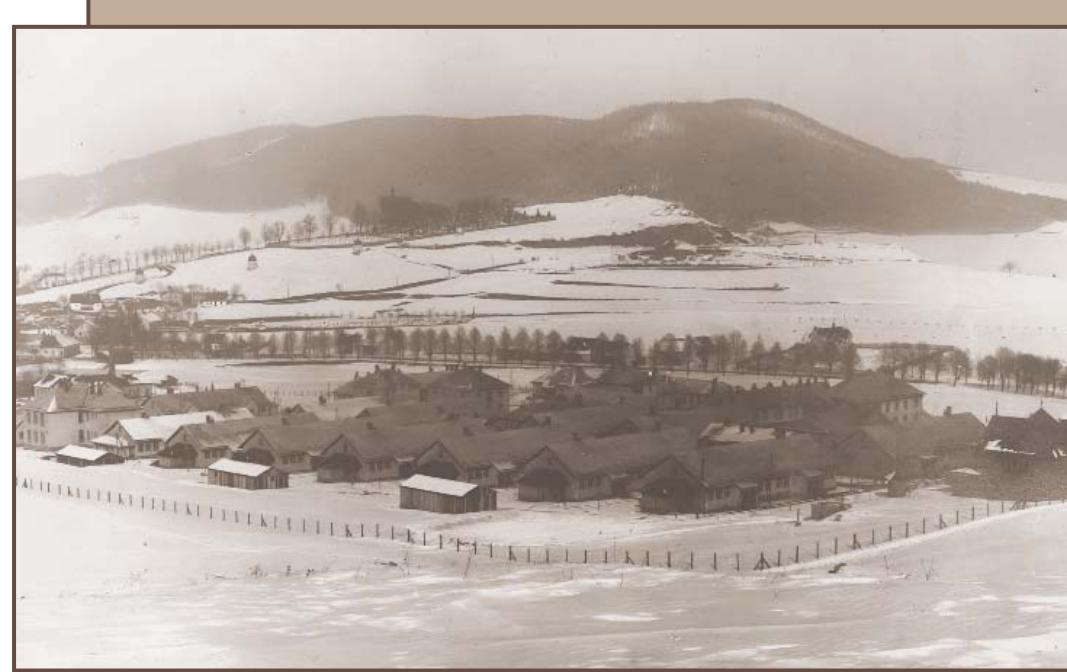
Общие виды

Изменение общей политической обстановки и связанные с этим финансовые проблемы поставили дирекцию Русской гимназии и ее Попечительский совет в исключительно сложное положение. Спасти гимназию от закрытия помогло то, что в июле 1921 г. правительство Чехословацкой республики приняло государственную программу помощи русским эмигрантам, получившую название «Русская акция», на осуществление которой Чехословакия истратит больше средств, чем все остальные европейские страны вместе взятые. По замыслу президента Масарика, надо было «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил России...»

Переговоры о дальнейшей судьбе гимназии, проведенные А. В. Жекулиной от имени Союза городов с правительством Чехословакии в лице полномочного министра В. И. Гирсы увенчались успехом. «Русский чех из Киева» дал согласие на переезд гимназии в Чехословакию и обещание оказать необходимую материальную и финансовую помощь для обеспечения ее полноценной работы.

14 эшелонами, первый из которых отправился в путь из Константинополя 18 декабря 1921 г., учащиеся и служащие гимназии были доставлены в Моравскую Тржебову (нем. Mährisch Trübau), небольшой городок на юге страны, на территории т. н. Судетской области с преимущественно немецким населением. Последняя группа прибыла к месту назначения 5 января 1922 г. Обращаясь к событиям тех дней, В. Н. Светозаров писал: «Навсегда останется в памяти радушная, сердечная встреча русских детей, трогательная забота о них и чуткое желание скрасить жизнь русской молодежи на чужбине».

В воспоминаниях бывшего воспитателя Русской гимназии Е. И. Балабина можно прочитать: «Когда-то в России лучшие, выдающиеся педагоги мечтали о создании школы за городом. Эта мечта в полной мере сбылась в эмиграции. Гимназия действительно была вынесена за город, хотя и слишком далеко от милой Родины».

Общий вид лагеря, где разместилась
Русская гимназия в Моравской Тржебове

Часть помещений гимназии.

Здания на территории лагеря Русской гимназии.

Отмечены цифрами: 1 — дом под квартиры персонала; 2 — лазарет; 3 — гимнастический зал, направо от него — женский интернат

Вот каким увидела гимназический городок в Моравской Тржебове его дочь Ольга: «Покинув яркий, красочный, южно-солнечный Константинополь, мы поехали в Чехию. В Моравскую Тржебову наша группа приехала ночью, в самый католический сочельник. Выйдя с вокзала, мы были поражены представившейся нам картиной. Все было покрыто снегом. Тяжелыми шапками он лежал на деревьях, заборах, крышах домов. Ночь была тихая, морозная. Нам, прожившим более двух лет на юге, показалось, что мы попали на другую планету. По заснеженным аллеям, радуясь скрипу снега под ногами, мы отправились в предоставленный нашей гимназии чешским правительством лагерь, лежащий в получасе ходьбы от вокзала. Лагерь этот, приготовленный во время 1-й Великой войны для военнопленных, обнесен был колючей проволокой. С его однообразными пустыми каменными бараками он произвел на нас довольно грустное впечатление. Однако через пару лет для очень многих русских людей этот унылый „баракенлагерь“ обратился в цветущий сад, в кусочек потрясенной Родины».

Впечатление от «баракенлагеря» скрашивала окружающая природа, описание которой можно найти в том числе в воспоминаниях Е. И. Балабина: «Хороши были окрестности нашего лагеря. Тенистые кленовые и липовые аллеи вели к покрытым хвойными лесами холмам. Эти леса изобиловали грибами и всякими ягодами и были очень живописны. Летом всех тянуло в лес. Ходили члены персонала, преподаватели с семьями, вооруженные сумками и рюкзаками. Ходили мальчики и девочки. Целым бараком водили малышей собирать грибы и ягоды».

О том, как выглядел комплекс зданий, отведенных для размещения Русской гимназии, дает представление следующий фрагмент воспоминаний Е. И. Балабина.

«Гимназия в Моравской Тржебове представляла собой отдельный русский городок, состоящий из 32 зданий. Гимназия имела свою церковь, два школьных здания с 14 классами, физический кабинет, химическую лабораторию, класс ручного труда, музыкальный класс, гимнастический зал, библиотеку, театральный зал, детский сад, дортуары, столовую, пекарню, склады, прачечную, баню, различные хозяйствственные службы, кооператив и квартиры для служащих».

Это описание дополняет рассказ бывшего гимназиста-тржебовца Н. Г. Михайловского.

Отмечены цифрами:

1 — малое классное здание; 2 — музыкалка; 3 — канцелярия

Отмечены цифрами:

1 — канцелярия; 2 — детский сад; 3 — Гриша Поляков (1928)

Главная аллея. Отмечены цифрами: 1 — нижняя кухня и столовая; 2 — 10-й барак (мой); 3 — канцелярия; 4 — дом «Козла» (Гнедовского); 5 — ворота лагеря; 6 — дом, в котором мы жили (дом персонала); 7 — малое классное здание; 8 — гимнастический зал; 9 — лазарет; 10 — театральное здание (выше — «вдовий дом», для одиноких женщин)

«Гимназия занимала довольно большое пространство, но не на равнине, а на склоне горки, с главными воротами по направлению к городу на самой нижней части участка, с православной деревянной церковью на вершине с левой стороны участка. Главную часть территории занимали две колонны больших деревянных бараков (по 8–10 бараков в колонне), которые служили интернатами для учеников, далее находилась столовая, кухня и склады продовольствия и снабжения. В нижней части правой колонны было каменное зда-

ние школы для низших классов гимназии, а с левой стороны были дома преподавателей, большой гимнастический зал и зал собрания, волейбольная площадка, теннисные корты и школа для высших классов. В верхней части территории с правой стороны была каменная школа для учеников-немцев из Моравской Тржебовы, которые туда ежедневно ходили, и нередко бывали драки между нами и немцами. Лагерь находился под лесистой горой, в 20–30 минутах ходьбы от города, преимущественно — немецкого».

Здание старших классов (малое классное здание)

Здание младших классов

Здание персонала (?)

Лазарет

Первые годы программа занятий в гимназии сохранялась прежняя, но постепенно шла подготовка к переходу на более близкую к программе чешских средних учебных заведений, в результате чего 8 августа 1925 г. школа стала именоваться «Русская реформированная реальная гимназия», далее в тексте — Русская гимназия в Моравской Тржебове.

Бараки

Из воспоминаний тржебовцев можно узнать некоторые детали их быта. Приведем строки из воспоминаний Ольги Балабиной: «Каждый барак состоял из четырех больших, на 25 человек, комнат. Наверху, в пристроеках, были комнаты для воспитателей. В каждую комнату барака вел с улицы тамбурчик. Наш тамбурчик мы обратили в салон с диванчиками и подушками, даже с картинками... Печи были неисправны, мы глотали едкий дым, мерзли у открытых окон, но радостно приподнятое настроение не покидало нас». Примерно в таких же условиях жили мальчики. Предоставим слово Николаю Михайловскому: «Спальные комнаты (палаты) в бараках были довольно просторные с 20–30 койками (в комнате) и со всеми нужными удобствами (шкафчики для хранения белья и личных пособий, умывальники, уборные и пр.)».

Большая часть преподавателей жила в отведенных для них квартирах в двухэтажном каменном доме, где каждая семья обустраивалась сообразно своему достатку и мировоззрению.

Время от времени преподаватели приглашали гимназистов в воспитательных целях «на чай» к себе на квартиру, благодаря этому мы можем получить определенное представление хотя бы о некоторых из них. Аллу Головину удивила квартира преподавателя математики Михаила Мартыновича Газалова, украшенная образами и царскими портретами.

Незамужних одиноких женщин разместили в так называемом «вдовьем доме».

Внутренний вид помещений
интерната для девочек

Женя Падера, Вера Диюк, Диidi Толстая, Лида Падера, Валя Ежинская. После 1930 г.

Комната девочек
выпускного класса 1929 г.

Елка в 9-м бараке.
Группа девочек выпускниц
1930 г.

Некоторые, как например, семья преподавателя французского языка Алексея Владимировича Камнева, снимали жилье за пределами гимназического городка. Воспитателям предоставлялись квартиры на втором этаже бараков, в которых жили их подопечные. В переписке С. В. Зубарева со своей будущей женой можно найти следующее описание его комнатки: «Она, правда, небольшая, зато

очень сухая. Печка небольшая, чугунка, колонка; топит и нагревает комнату хорошо. Вот только шум и гам внизу...»

В целом условия проживания персонала были довольно скромными. Вероятно поэтому многие преподаватели, особенно обремененные большой семьей, покидали гимназию, стараясь обрести лучшие условия жизни.

В спальной комнате девочек
(фото из архива семьи
Зубаревых)

Церковь

Религиозный аспект был едва ли не важнейшим в системе воспитания. Отмечалась даже повышенная религиозная настроенность учащихся. Возможно, это объяснялось особой формой обостренного на чужбине национального чувства. Православная церковь, устроенная в отдельном бараке и оборудованная стараниями самих учеников, являлась центром всей жизни гимназии.

Духовными наставниками и законоучителями обитателей лагеря в Моравской Тржебове стали высокообразованные представители Русской православной церкви.

На протяжение семи лет, начиная с 1921 г., настоятелем гимназической церкви и преподавателем Закона Божьего был священник Иаков (Яков) Николаевич Ктитарев, получивший церковное образо-

Гимназическая церковь летом и зимой

вание в Воронежском Духовном училище, Петербургской Духовной семинарии, а затем в Петербургской Духовной академии, которую он блестяще закончил в 1904 г. в звании кандидата богословия. Первым назначением молодого священника стала должность законоучителя в женской гимназии города Батуми, где он преподавал также русский язык и литературу, одновременно окормляя персонал и больных местного морского госпиталя. Перед революцией отец Иаков занимал должность настоятеля Александро-Невской церкви и законоучителя в Александровском институте Санкт-Петербурга. В 1915 г. был рукоположен в сан пресвитера, а в 1917 г. удостоен почетного звания «Проповедник армии». В предреволюционные годы вышли несколькими изданиями такие его работы как «Чтения об основных вопросах жизни», «Вопросы религии и морали в русской художественной литературе» в двух томах, «Руководство к изучению Закона Божия в старших классах светских средних учебных заведений». Он также являлся одним из составителей хрестоматии для начальных училищ и церковно-приходских школ «Русское слово». В 1920 г. оказался на Кипре, где был директором гимназии Всероссийского союза городов. В эмиграции отец Иаков сначала был священником в Константинополе, а затем получил назначение в Русскую гимназию в Моравской Тржебове, где одновременно с церковной деятельностью преподавал гимназистам литературу. Он был превосходным лектором. «Я, когда имел время, — вспоминал Е. И. Балабин, — посещал его лекции. Это было наслаждение лучше всякой музыки. Он прекрасно служил и великолепно говорил проповеди в церкви». Вместе с ним преподавала в гимназии английский язык его жена Ольга Сергеевна (урожденная Слепян). В 1927 г. «батюшку Ктитарева», как его называли ученики, перевели настоятелем в Шарлеруа (Бельгия), затем в Коломбель на севере Франции и, наконец, в тогдашний пригород Парижа Булонь-Бианкур, где он много трудился над созданием постоянного храма и прихода. В 1936 г. митрополит Евлогий назначил отца Иакова вторым священником в собор Александра Невского на rue Daru в Париже. В 1942–1944 гг. он преподавал гомилетику в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. По словам известного историка русской эмиграции П. Ковалевского, «отец Иаков Ктитарев был талантливым церковным оратором и в своих проповедях и многочисленных церковных беседах всегда указывал на связь русской

Иконостас церкви. У царских врат стоит отец Иаков Ктитарев

Внутренний вид церкви

Отец Иаков Ктитарев со своими маленькими прихожанами и их наставниками

Отец Павел Савицкий в алтаре церкви

культуры с Православием и на глубокое значение веры в развитии русской культуры».

Преемником отца Иакова стал священник Павел Олимпиевич Савицкий. Выпускник Литовской духовной семинарии, он после этого закончил в 1911 г. со степенью кандидата богословия Казанскую Духовную академию и был направлен на службу епархиальным миссионером в Белостокскую епархию. Ощущая тягу к живописи, прошел курс обучения в Виленской рисовальной школе. До 1916 г., когда Вильно был взят германскими войсками, его церковная деятельность была связана с этим городом, где он служил в Николаевском кафедральном соборе и одновременно преподавал в Литовской духовной семинарии и в частной женской гимназии Е. П. Нездюровой и Н. И. Рейсмиллер. Затем, вплоть до окончания Первой мировой войны, Павел Савицкий служил в лагере русских военноплен-

Церковь, украшенная зеленью на праздник Святой Троицы

Отец Павел Савицкий в своей мастерской

Отец Павел Савицкий перед молебном

ных в Баварии. В период с 1921 по 1927 г. преподавал Закон Божий в русских гимназиях и служил в православных храмах Берлина, в том числе настоятелем Свято-Владимирской церкви в сане протоиерея.

В Моравской Тржебове, а после и в пражской Русской гимназии, Павел Олимпиевич не только выполнял обязанности священника и законоучителя, но также давал уроки рисования гимназистам, писал иконы, плодотворно работал над оформлением церкви. Его скульптурные и живописные работы демонстрировались на художественных выставках в Праге, Вильнюсе и других городах. Упоминается как минимум о двух скульптурных работах Савицкого, выполненных в Моравской Тржебове — бюстах Пушкина и легендарного богатыря Ильи Муромца. Скорее всего, ему также принадлежит скульптурная композиция с надписью: «Русская культура — мощь и слава России», установленная на центральной площади лагеря, где проходили праздничные мероприятия ежегодного «Дня Русской культуры». В начале Второй мировой войны Павел Савицкий окормлял православные приходы в Карлсбаде, Франценбаде и Мариенбаде. Затем, до 1954 г., служил в Штутгарте и Гамбурге, оказывая духовную помощь военнопленным и угнанным в Германию на принудительные работы соотечественникам. Последние годы жизни, с 1954 по 1955 г., Павел Савицкий занимал должность настоятеля храма во имя священномученика Гермогена в Марселе, где и завершился его земной путь.

Богослужения в училищном храме совершались каждую субботу и воскресение. В воспоминаниях Е. И. Балабина сохранилось подробное описание убранства гимназической церкви: «Под церковь приспособили отдельное здание, которое предназначалось для кинематографа. Не было икон — ничего не было. Но среди старших учеников нашлись художники, которые недурно написали иконы. Потом появились и старые иконы, а постепенно и вся необходимая утварь. На аналое лежал прекрасный образ Николая Чудотворца с парохода „Веха“. Был большой образ Александра Невского, привезенный из СССР. Лик Александра Невского был пробит штыком большевика. На иностранцев, осматривающих церковь, а таких было много, это производило сильное впечатление. В церкви было около двадцати лампадок.

Справец Индржишка покрыл весь каменный пол красным ковром-сукном, и церковь стала очень уютной и приятной. Соорудили

Аллея перед церковью

Молебен перед церковью

очень красивую люстру-паникадило, провели электричество. Царские врата украсили золотыми листьями из консервенных банок.

Посещение церкви было обязательным, и мальчики и девочки строем шли в церковь. Персонал также не пропускал служб. Свечи покупались в городе, а потом мы завели свою свечную машину и сами научились отлично делать свечи. Поставили в церкви две печки, так что зимой не мерзли.

Отлично пел хор под управлением талантливого Буримова. Потом был прекрасный регент Розов, хорошо знающий службу, и последним регентом был оперный певец Евтушенко, при котором хор особенно хорошо пел».

Небольшим дополнением к этому описанию служат несколько фрагментов из рассказа Аллы Головиной: «В конце гимназического лагеря замыкала аллею деревянная церковь. Внутри, иконостас был расписан руками гимназических художников...

Под куполом гимназической церкви, как в самом настоящем храме, летали разноцветные голуби, похожие на безногих ангелов...

Особенно торжественно проходило пасхальное богослужение. Гимназисты одевали праздничную одежду, девочки завивали на раскаленной кочерге волосы, у церкви устанавливали смоляные факелы.

В девять часов ложились спать, чтобы отдохнуть перед пасхальной заутреней, начинавшейся в полночь. Перед ее началом гимназисты с преподавателями и прибывшими гостями выстраивались в каре возле церкви. Затем совершался крестный ход в сопровождении хора, взлетали ракеты, горели огни иллюминации.

Праздничный стол после постных рисовых котлет со сливами казался особенно обильным. В столовой кормили на славу, а парочки, пользуясь случаем, открыто христосовались, не опасаясь внимания воспитателей, строго следивших за их нравственностью».

Крестный ход на Пасху

Плащаница

Молебен при закладке храма св. Кирилла и Мефодия в Худобине, 1923 г.

Слева епископ Горазд, рядом с ним епископ Досифей (из Сербии)

Службы гимназии

Повседневную жизнь воспитанников гимназии поддерживали различные хозяйствственные службы, включая столовую, пекарню, склады, прачечную и баню. Управление финансово-хозяйственной деятельностью гимназии и интерната осуществлялось особым органом, называвшимся «господарской справой», распоряжавшимся бюджетом, достигавшим 3 млн крон в год.

Первоочередное внимание служб гимназии уделялось здоровью учеников и их питанию.

Здоровье гимназистов находилось на попечении опытных врачей и сестер милосердия. Состав их с течением времени менялся, но все они были профессионалами в своем деле. Достаточно упомянуть, что какое-то время лазаретом заведовали супруги Гамалицкие. Оба потом перебрались во Францию, где доктор медицины Виктор Викторович Гамалицкий стал главным руководителем парижской школы массажа, а его жена Мария Михайловна поступила на работу в клинику Ж.-Л. Фора и успешно защитила диссертацию, посвященную проблемам женского бесплодия. Среди врачей гимназии упоминается фамилия доктора Новикова. Предположительно речь идет о выпускнике Военно-медицинской академии Александре Евгеньевиче Новикове, до эвакуации из Крыма служившего в Отдельной гвардейской бригаде ВСЮР. Бывшие гимназисты с благодарностью вспоминали врача Елизавету Александровну Перемиловскую, жену преподавателя латыни Владимира Владимировича Перемиловского. Елизавета Александровна училась в Санкт-Петербургском медицинском институте, во время Первой мировой войны возглавляла военный госпиталь в городе Сычёве, а затем работала врачом в Центральной больнице КВЖД в Харбине.

Медсестрой в гимназическом лазарете трудилась София Алексеевна Брянчанинова, урожденная Татищева, муж которой состоял в близком родстве с известным богословом и мыслителем Русской православной церкви святителем Игнатием (Брянчаниновым), епископом, причисленным к лику святых.

Гимназисты в лазарете не только лечились, но и порой укрывались от контрольных и экзаменов. Нехитрые приемы повышения температуры требовали определенных навыков. Один из гимназистов

У входа в лазарет

В лазарете (фото из архива семьи Зубаревых)

Персонал лазарета (в центре
доктор В. В. Гамалицкий)

Дирекция с персоналом библиотеки и ее читателями. В нижнем ряду слева направо: 2-й слева В. Н. Светозаров, далее — А. П. Петров, Н. М. Захаров

был с позором выгнан врачом, поставившим мнимому больному диагноз «труп», поскольку градусник показал, что температура его тела поднялась выше 42°С.

Возможность получить жилье и заработок в гимназии привлекали в Моравскую Тржебову высоко интеллигентных образованных людей, занимавших там порой очень скромные должности. Так заведующими библиотекой в разное время были выдающийся судебный деятель Николай Михайлович Захаров и бывший депутат Государственной думы барон Сергей Эдуардович Штейгер. Стоит заметить, что гимназической библиотекой можно было по праву гордиться: в ее фондах насчитывалось более 20 тысяч наименований книг, а ее читальный зал редко оставался пустым.

«Бельевыми дамами», занимавшимися стиркой, глажением и починкой одежды детей, стали Александра Вячеславовна Балабина, жена воспитателя гимназии генерал-майора Балабина, и вдова быв-

В нижнем ряду сидят С. Э. Штейгер и сдающий ему библиотеку Н. М. Захаров

шего камер-юнкера высочайшего двора Якова Куломзина, Ольга Федоровна, урожденная баронесса Мейндорф.

На гимназической кухне командовали супруги Ивановы. Расположение Анатолия Федоровича ценилось учениками особенно высоко, так как его любимцы могли рассчитывать не только на рассказы о прежней жизни, но и на добавку к обычному рациону.

Нельзя сказать, что все службы функционировали идеально, по крайней мере в глазах гимназистов. В одном из рассказов Аллы Головиной можно найти следующую зарисовку: «В бане, действительно, бывало весело. Сначала мы получали чистое белье... около двери, на которой было написано тушью: „Здесь сплетничают“, потом мы шли в раздевалку, состоящую из деревянных ступеней с огромными щелями, куда все проваливалось в липкую грязь. Эта раздевалка называлась Каноссой... Под душем мы сразу начина-

В библиотеке и ее читальном зале

Гимназическая столовая

Персонал кухни

На переднем плане — Л. М. Кутырев, у окна — Р. К. Баумгартен

Одна из хозяйственных служб гимназии

ли ссориться, занимали сразу по четыре для своих подруг, падали в желоба, верещали...»

При таком обширном хозяйстве большая нагрузка ложилась на канцелярию гимназии, которой заведовал полковник Роман Карлович Баумгартен. Выпускник Пажеского корпуса (1906) и Николаевской военной академии Генерального штаба (1912), за проявленный героизм был пожалован Георгиевским оружием, в 1916 г. произведен в чин полковника. Участвовал в Белом движении в рядах Добровольческой армии и ВСЮР. С конца 1918 до августа 1919 г. заведовал оперативной частью секретной организации «Азбука» в Киеве. Из Севастополя эвакуировался в Константинополь, откуда перебрался в Чехословакию, где занял должность делопроизводителя Русской гимназии в Моравской Тржебове. Позднее жил в Париже, в годы Второй мировой войны сотрудничал с немецкими оккупационными властями. В послевоенный период состоял членом Союза пажей и заместителем председателя объединения лейб-гвардии 4-го стрелкового полка.

Жизнь и порядки Русской гимназии

Среди учащихся было много детей преподавателей, воспитателей и обслуживающего персонала, живших вместе с родителями. Остальные размещались по возрастам в бывших бараках, оборудованных для проживания. Четыре таких барака отводились для мальчиков и два для девочек. Каждый барак находился в непосредственном ведении двух воспитателей, которые несли дежурство в течение суток и ночевали в dortuаре вместе с учениками.

За порядком в женском бараке следили три воспитательницы, из которых одна дежурила ночью.

Численность воспитательского состава по состоянию на 1930 г. составляла 14 человек. Общее руководство воспитательной работой возлагалось на старшего воспитателя, помощника директора гимназии. С 1925 г. эту должность занимал Дмитрий Дмитриевич Гнедовский. Гуляющие по аллейкам лагеря «парочки» старались не попадаться ему на глаза. Естественно, строгий надзор вызвал раздражение старшеклассников, прозвавших воспитателя «Козлом»

из-за его бородки. Тем не менее, помешать изобретательной молодежи было очень трудно: свидания назначались в амбаре за теннисным кортом, во время антрактов на спектаклях и представлениях, во время спортивных состязаний и даже церковной службы.

О порядках в Моравской Тржебове можно узнать из воспоминаний Николая Михайловского: «Жизнь в интернате была в стиле кадетского корпуса с довольно строгой дисциплиной, более строгой для низших классов. Все ученики носили форму, которая состояла из черной гимнастерки с белым кантиком на воротнике, подпоясанной ремнем, черных коротких штанов (у детей низших классов), черных чулок-гольфов и сапог или длинных брюк (высшие классы). На голове — черная фуражка со знаком гимназии — гербом ГМТ. В теплые дни осенью и весной мы носили белые гимнастерки (есть фотографии). Девочки тоже были одеты в форму (теплые платья). На завтрак, к обеду, на ужин, в церковь, на прогулки и т. п. мы всегда шли в строю по классам... Жизнь в гимназии была хорошо налажена. Мы вставали в шесть часов утра и после уборки в семь часов

Группа учащихся 1-го класса. 1923 г.

Урок арифметики во 2-м классе ведет К. М. Светозарова

Урок русского языка в 8-м классе

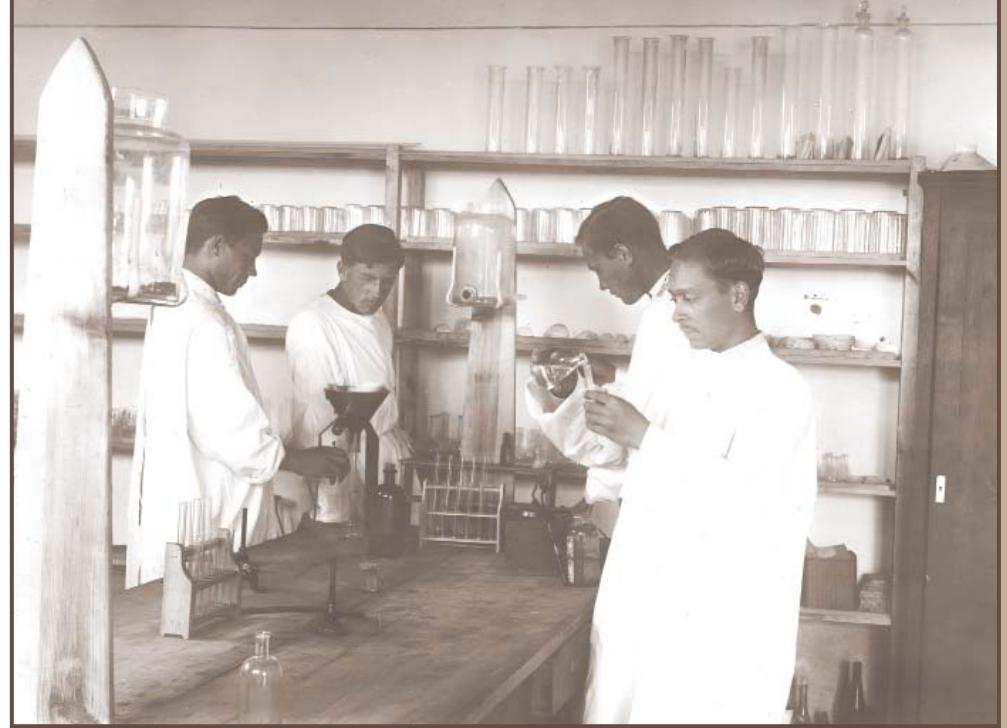
Групповое фото учащихся для альбома кураторов Русской гимназии. 1925 г.

Нина Чеботарева (с нотами), Нора Гейм, Ваня Яворский, Ольга Воздвиженская, Вава Леонтьева, Лёля Пухлякова, Вера Дедек, Ксения Вергун, Гая (?) у доски Валя Беднаржева и Лена Бoom, Таня Холоманова (за пианино), Марина Наголкина, Нина Деменина, Оля Халецкая, Анжела Поперт, Таня Новикова, Митя Евреинов

шли в столовую на завтрак. С восьми до часу проходило обучение в школе. Предметы обучения, например, в третьем классе, были следующие: Закон Божий, языки (русский, чешский, латинский), история, география, математика, физика, рисование, гимнастика, пение, рукоделие. После обучения и обеда была подготовка уроков и разного вида забавы (футбол, волейбол, теннис и пр.) вплоть до ужина. По вечерам мы проводили время с воспитителями и в десять часов вечера шли спать».

У каждого класса было свое знамя, под которым они выходили на все торжественные построения гимназии и прогулки за пределы лагеря. По всей видимости, классные знамена появились в 1927–1928 гг.

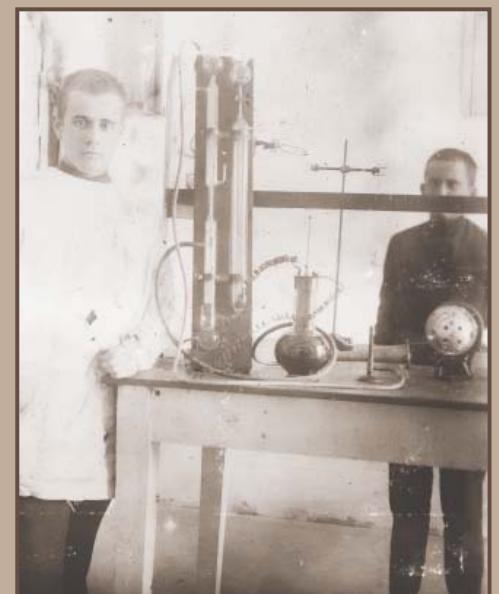
Николай Михайловский попал в Моравскую Тржебову, когда жизнь там уже наладилась. На первых порах, например, форма еще не была установлена, и, как пишет Алла Головина, ее окружали девочки, одетые как в романах Лидии Чарской в длинные платья со вставками по горло, державшие в руках, за неимением карманов, огромные клетчатые платки. Обувь у детей также была разнокали-

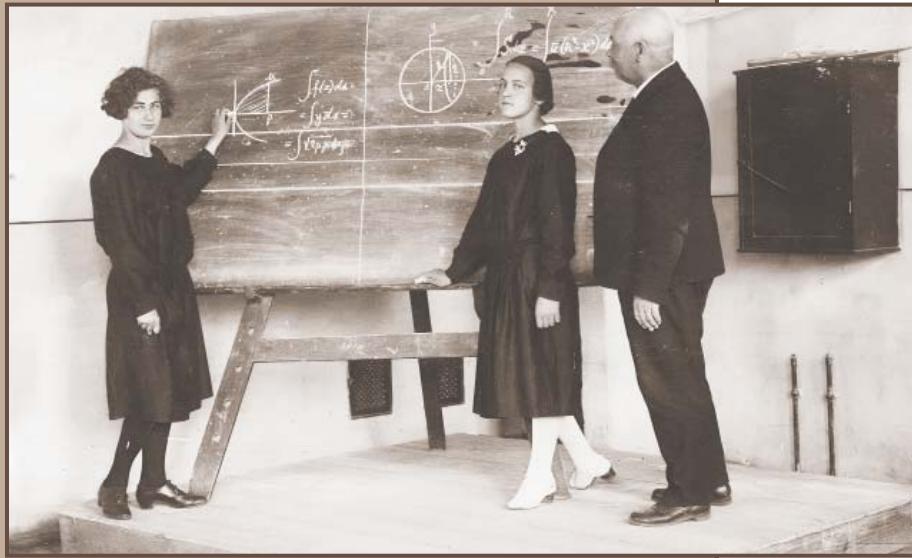

Группа учащихся 8-го класса. 1926 г.

Занятия в химической лаборатории

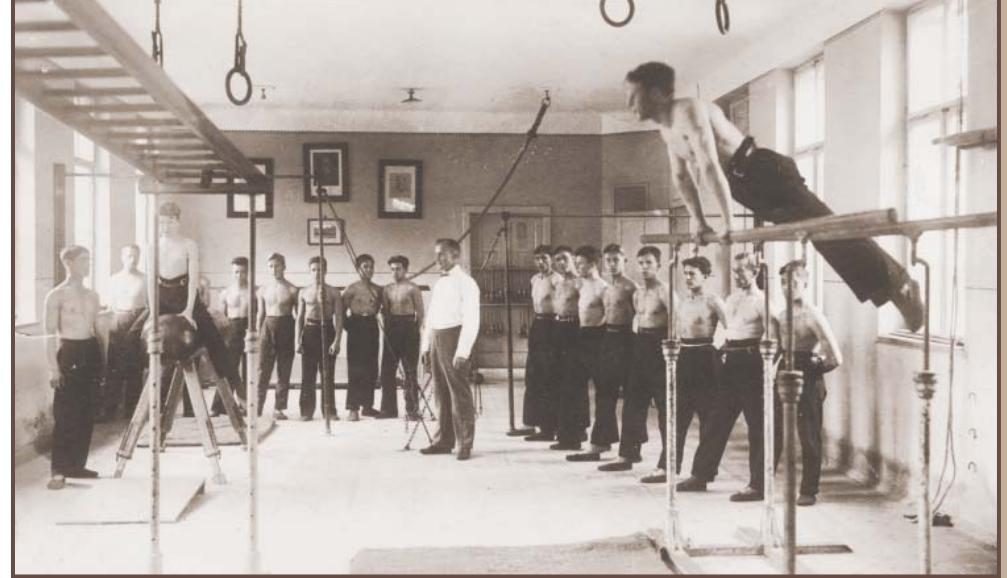

Занятие по дескриптиве (начертательной геометрии) ведет преподаватель В. Ф. Пащенко. У доски Лидия Балабина и Лидия Серно-Соловьевич

Гимназисты с воспитателем на прогулке

Урок гимнастики

Гимназисты 6-го класса со своим знаменем с изображением Московского кремля.
1929 г.

М. А. Лопуховский с гимназистами 2-го класса. Классное знамя держит А. Г. Артюхов

У классного здания во время перемены. 1928 г.

Конец перемены! Пора на занятия!

С. В. Булгаков со своим классом во время перемены

В гимназической лавочке
(фото из архива семьи Зубаревых)

С. В. Зубарев со своими воспитанниками
(фото из архива семьи Зубаревых)

берной, но прошло несколько месяцев, и известная чешская фирма «Батя» обула весь лагерь: девочек — в твердые полуботиночки с лаковыми носами, мальчиков — в солидные шнурованные башмаки, младших учеников — в желтые туфли с одной пуговицей. На гимназистках появились сatinовые черные фартуки с карманами, одинаковые пальто, летняя форма...

Несмотря на все усилия дирекции и воспитателей, уследить за детьми, особенно за подростками, было сложно. Лагерь в конечном итоге обнесли колючей проволокой, на окна старшего девичьего барака прибили решетки, а для особо провинившихся завели карцер в полуподвальном помещении с зарешеченным окном.

Напротив карцера, в том же полуподвале, через коридорчик, помещалась гимназическая лавочка, где продавались сладости и можно было выпить какао или чая.

Зимние забавы. Стоят: Грдасова Зина, Горошкова Ольга, Грдасов Геннадий; нижний ряд: Муха Вальтер, Гали Щербитецкая, Вера Павлова, Нина Севостьянова

Ученицы 4-го класса на перемене. Зима 1928/29 г.

Директор гимназии А. П. Петров с гимназистами

Директор гимназии А. П. Петров с гимназистами

Художественное творчество

В Русской гимназии существовало свыше сорока кружков. Самыми популярными из них были: культурно-просветительный, художественный, туристический, физико-математический, литературный, шахматный, химический, музыкальный, спортивный, ручного труда, переплетный, изучения французского языка, юношеского Красного Креста. Уставы кружков утверждались педагогическим советом. Ответственным руководителем был или преподаватель, или воспитатель, а правление состояло из учеников.

Очень скоро в гимназии появились культурно-просветительный и художественный кружки. Первый из них располагался в уютной гостиной с роялем, где часто устраивались музыкальные вечера и утренники. Здесь также проходили литературные доклады и дискуссии, посещать которые могли только члены кружка. Для второго отводилось более просторное помещение, открытое для всех, и где всегда было шумно и весело.

Одним из направлений художественного творчества гимназистов являлось издание рукописных ученических журналов, пользовавшихся постоянным повышенным вниманием на педагогических съездах. По словам Ольги Балабиной: «Один выпускался культурно-просветительным кружком. Это был художественный, серьезный журнал, официальный, с хорошими стихами и прозой на отвлеченные темы. С рисунками... Вторым журналом, неофициальным и даже секретным, был ежемесячник „Всякая всячина“, издаваемый мной и Татой Виноградовой. Это был журнал злободневный, юмористический. В нем смеялись над преподавателями и над нами самими в одинаковой мере. Иллюстрации тушью и акварелью были мои... Еще существовал сатирический журнальчик „Смешняк“ — автор и карикатурист Жора Широких. Он был очень остр на язык, и попасть в этот журнал никому не хотелось». В этой среде вырос талант Михаила Ромберга, ставшего известным в Чехословакии театральным художником и художником-иллюстратором около 150 литературных произведений. В списках первого выпуска 1921 г. фигурирует имя Бориса Клодта, представителя известной художественной семьи, окончившего затем архитектурное отделение Высшего технического училища в Праге. Участник многих выставок в Чехословакии, а затем

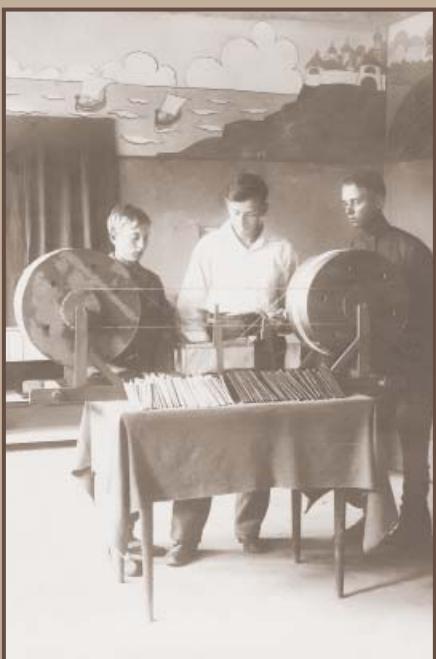
уроки ручного труда

Гимназисты за работой

Переплетная мастерская

Изготовление свечей

Наглядные учебные пособия, сделанные гимназистами

Картинки и рисунки гимназистов.
Класс В. Э. Зозулиной-Роде (4-я слева, сидит)

в США, Борис Клодт получил известность как художник-пейзажист, работавший в реалистической манере.

О высоком культурном уровне учащихся Русской гимназии может свидетельствовать и участие некоторых из них в деятельности литературного объединения «Скит». За годы его существования (1922–1940) через него прошло около 50 молодых поэтов и прозаиков Русского зарубежья в Чехословакии, среди которых были и тржебовцы: Вадим Морковин, Алла Головина (Штейгер), Анатолий Штейгер, Мария Толстая (внука Л. Н. Толстого) и Николай Терлецкий. К некоторым воспитанникам признание пришло намного позже. К таким можно отнести близкую подругу Аллы Головиной Валентину Маркаде (в девичестве Васютинскую), ставшую одним из первых во Франции исследователей русского и украинского авангарда, автора ряда фундаментальных монографий на эту тему и цикла неопублико-

ванных рассказов. Назвав имя Аллы Головиной, нельзя не упомянуть имя ее мужа — талантливого художника и скульптора Александра Сергеевича Головина, окончившего Русскую гимназию в 1924 г.

Неизменным участником праздничных мероприятий в Моравской Тржебове был гимназический хор, созданный Максимом Петровичем Буримовым. «С большой любовью он разучивал с нами духовные и светские вещи, — пишет Ольга Балабина. — Особенно удавались ему украинские песни. Пение мы вообще очень любили и пели при всяком удобном случае. Хорошо было летним вечером петь под звуки гитары, сидя на лавочках, заросших цветущими кустами, в нашем парке». Стоит напомнить, что ее отец стал руководителем хора мальчиков, выступавших в стиле казачьего хора Жарова.

Как пишет Балабин: «Гимназический хор всегда выступал в русских костюмах. У мальчиков были разных цветов рубашки-косово-

Группа участников хора Русской гимназии (фото из архива семьи Зубаревых)

Надя Сухомлинова (слева)
с подругой в костюмах
гимназического хора (фото
из архива семьи Зубаревых)

Младшие участники
гимназического хора

Хор и оркестр под управлением Н. Н. Розова, 1925 г.

ротки, у девочек — разнообразные боярские костюмы. Кокошники разных цветов и форм были изготовлены и расшиты самоцветными камнями самими же девочками. Вид у хора был очень красивый и богатый. Позже приобретены были музыкальные инструменты, быстро составился оркестр, который недурно играл». Неудивительно, что выросшая в такой музыкальной семье Лидия Балабина после окончания гимназии и английского колледжа поступила в Государственную чешскую оперу. Другим трежебовцем, добившимся широкого признания, стал Адриан Васильевич Левицкий, преподаватель Пражской консерватории, певец, пианист и дирижер Общественного русского хора имени А. А. Архангельского.

Какое-то время в гимназии существовал созданный по инициативе Е. И. Балабина Донской казачий хор, участниками которого являлись главным образом бывшие воспитанники Донского кадетского корпуса.

Хор бывших воспитанников Донского кадетского корпуса

Под одной из фотографий стоит подпись: «Хор братьев Зайцевых». Современному читателю, скорее всего, неизвестно, что так часто назывались популярные в 1920-е годы комические хоры, исполнявшие шутливые куплеты в образе пьяниц, калек и стариков.

Гимназические оркестры

«Хор братьев Зайцевых»

Хоровое пение во время прогулки за городом

Не раз устраивались в гимназии музыкальные утренники, на которых выступали сами ученики. Некоторые из них проявили такие замечательные способности, что смогли поступить в Пражскую консерваторию.

Внешний вид гимназического театра

На репетиции

Гимназисты за постройкой театральной сцены

Театральные декорации, расписанные гимназистами

Достопримечательностью Моравской Тржебовы являлся гимназический театр, сцена и декорации в котором, украшенные росписями в стиле Билибина, были созданы силами воспитанников. На сцене театра ставились спектакли по мотивам сказок Пушкина, а также пьесы

Гоголя, Островского, Чехова, Эсхила. Большим событием стала постановка преподавателем французского языка А. В. Каменевым и его женой пьесы Метерлинка «Синяя птица». Роли исполняли ученики старших и младших классов, причем пьеса шла на французском языке.

Участники спектаклей, поставленных гимназистами

По пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор»

По пьесе А. Н. Островского «Лес»

По мотивам произведений Н. В. Гоголя

По мотивам произведений А. П. Чехова
(фото из архива семьи Зубаревых)

По пьесе М. Метерлинка «Синяя птица»
(младшие участники представляли нерожденные души)

Танцевальные номера гимназистов

Украинский танец

Чешский танец
(фото из архива семьи Зубаревых)

Мазурка

В кружках преподавались также выжигание и резьба по дереву. Работы гимназистов демонстрировались на выставках и использовались в качестве подарков почетным гостям. В частности, президенту Чехословакии Томашу Масарику в день его 80-летия был поднесен альбом с искусственной росписью по эмали и адресом, каллиграфически выписанным старославянским шрифтом.

Частыми гостями в Моравской Тржебове были известные деятели эмиграции, а также ученые, писатели, художники и артисты. Перед гимназистами выступали бывшие артисты Московского художественного театра, провинциальный русский театр братьев Типкиных из Брно, знаменитая исполнительница русских народных песен и романсов Надежда Плевицкая.

В воспоминаниях Аллы Головиной рассказывается о посещении гимназии известным писателем Евгением Николаевичем Чириковым, перед которым выступили со своими произведениями «до трех десятков прозаиков и поэтов». Бывала на гимназических концертах Марина Цветаева, дочь которой Аля училась некоторое время в Моравской Тржебове, но на сцену выдающуюся поэтессу не приглашали, считая футуристкой.

Участники представления на вечере 9-го барака

Устраивались в Моравской Тржебове и художественные выставки собственных художников-любителей, таких как священник Павел Савицкий, и профессиональных русских художников. В частности, в 1934 г. В. В. Перемиловским была организована персональная выставка рисунков и каллиграфических работ одного из виднейших представителей русского модернизма, писателя и художника Алексея Михайловича Ремизова.

Творческая фантазия, артистические и художественные способности особенно ярко раскрывались во время традиционных представлений, которые устраивались старшеклассниками и обитателями бараков. Танцы в собственной постановке, живые картины, сценки из спектаклей, декламация — все это можно было увидеть во время подобных вечеров художественной самодеятельности.

Обратимся к воспоминаниям Ольги Балабиной, старшей дочери генерала: «Ежегодно старшие выпускные классы устраивали вечер, и один класс старался перещеглять другой. Неудивительно, что

Участники представления на вечере 10-го барака

Вечер класса Н. Н. Дрейера. В центре Н. Н. Дрейер. Справа от него: Нина Лимонт-Иванова, Коля Малянович, Наташа Соловкина, Тася Прокофьева, Кирилл Полянский, под ним Левицкий Адик (в белом).

Сидят: Анатолий Петров, Вадик Федоров, Анатолий Демкин.

Отмечены «звездочками»: * Ярочка Черницын, ** Жоржик Топольский, *** Раф Евеинов, **** Валя Хасанов

Участники спектаклей, поставленных гимназистами

Вальс. Сергей Шульгин
и Нина Колупаева

Менуэт. Ксения Вергун
и Борис Чарковский

Восточный танец.
М. Кузякина и М. Тарновский

Живая картина.
Л. Арнаутов и В. Копецкая

Полька. Лена Боом
и Женя Лосева

Мазурка. Люся Левитская
и Н. Зенкович

Па-д'Эспань. М. Тарновская
и Л. Арнаутов

М. Долгоруков

Вера Копецкая

**Тарас Морков, Галия Лисивец,
В. Поздышев**

**Л. Арнаутов, Вера Копецкая,
Нина Оболенская, Валя Никитина,
Сеня Титов, Лида Голий, Жоржик Оплеталь**

эти балы были действительно отличными. Обыкновенно начиналось программой, ставились небольшие пьесы, декламировали, танцевали... После программы — другие танцы. В нашем распоряжении были и два класса, где готовился главный сюрприз. То устраивали там салон в турецком стиле с тахтами на полу по стенкам, с массой выкраинченных у дам персонала на этот вечер подушек и с гвоздем вечера — настоящим фонтаном посередине комнаты. То была там палатка с хироманткой, то буфет. Хороши были котильоны. Мастерили их за долгое время перед балом. Специалистами были братья Протопоповы, научившиеся делать эти котильоны в Париже. Много внимания обращалось на художественное исполнение программок, которые давались главным образом почетным гостям... Модный тогда во всем мире фокстрот был запрещен. Танцевали в формах. Мальчики в черных гимнастерках, девочки в синих шевиотовых платьях,

Импровизированный концерт выпускников 1928 г. И их друзей.

На снимке: Л. Серно-Соловьевич, Н. Терлецкий, М. Тарновский, М. Порохонская, Т. Марков, М. Тарновская, Н. Оболенская, Л. Арнаутов

но, несмотря на это и на форменные черные чулки „в резиночку”, — белоснежные воротнички, беленький кантик у ворота гимнастерок и блестящие радостью глаза создавали праздничное и нарядное впечатление. О губной помаде и думать никто не смел. Преследовалась даже безобидная пудра. У входных дверей стояла воспитательница и „проверяла носы“. Если нос оказывался напудренным — виновная без разговоров отправлялась умыться».

После такой школы тржебовцы могли произвести впечатление на самое взыскательное общество. В воспоминаниях Татьяны Бем-Рейзер есть строчки, посвященные гимназисткам из Моравской Тржебовы: «Все они держались подтянуто, хорошо пели и хорошо танцевали, особенно старые танцы: венгерку, мазурку, краковяк, и всякие паде-катр, па-д'эспань. Одним словом, в глазах пражских барышень это были самые совершенные кавалеры».

**Группа девочек в «котильонных аксессуарах»
после ежегодного бала.**

Декабрь 1929 г.

Участники ежегодного бала. Декабрь 1930 г.

На снимке: Андрей Коптев, Юра Андриевский, Виктор Шапов, Вова Виноградов, Маня Рудовская, Коля Макаров (?), Женя Семенов, Юра Михайлов, Миша Герасименко, Георг Орос (?), Коля Кривенко, Вася Марков, Олег Рождественский

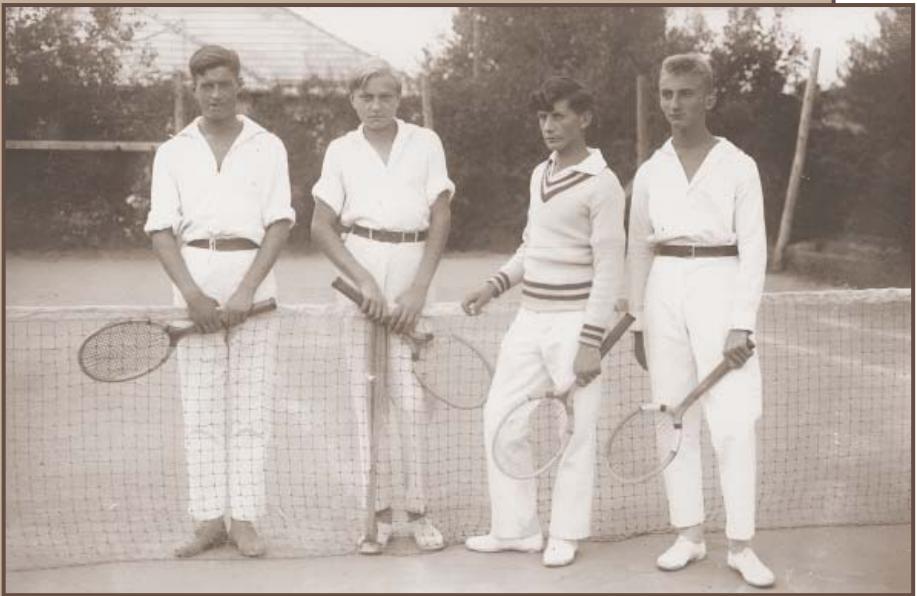
Спорт

Первостепенное место в досуге гимназистов отводилось занятиям спортом. В. Н. Светозаров пишет: «Весной и летом футбол, волейбол и теннис, зимой катанье на коньках, на лыжах и на санках... Гимназические футбольные команды состязаются между собой и с командами, приезжающими из других городов... Своя теннисная площадка, свое футбольное поле дают полную возможность молодежи иметь в этой отрасли спорта большие достижения...»

О катании на санках любили вспоминать все бывшие тржебовцы, включая их наставников. В мемуарах Е. И. Балабина это выглядит следующим образом: «Зимой увлекались катанием на санях. По страшно крутому извилистому шоссе, ускользнув вечером через прорезанную колючую проволоку из лагеря, неслись все — мальчики и девочки, от

Гимнастические занятия на свежем воздухе

Теннисисты: Малашенко Женя, Светозаров В. (Воля),
Герасименко Володя, Шапов Витя

На теннисной площадке

Футбольный матч

Показательные выступления гимнастов на футбольном поле

Сборная по футболу Русской гимназии.
Середина 1920-х гг.

мала до велика — на самых разнообразных санках вперегонку. Среди саней выделялись огромные грубо сколоченные „громобой“, на которые взбирались до 10 человек. Это тяжелое сооружение неслось со страшной скоростью, с криком и свистом. С его пути спасался кто мог. Однажды такой „громобой“ наскочил на придорожный камень. Было много раненых, у двоих сломаны ноги, и один убит <Алеша Цуриков>. После этого стали преследовать катание особенно строго, а батюшка отец Павел <Савицкий> не ограничился рядом страшных проповедей, но и нарисовал большую картину: несущиеся на „громобое“ ребята, а за ними смерть с протянутыми руками». В начале эта картина висела в церкви, а зачем перекочевала в столовую.

У мальчиков неимоверной популярностью пользовался футбол, о чем свидетельствуют заметки Николая Михайловского: «Процветал у нас и спорт, главным образом футбол. Было несколько команд, но фаворитами были „Кречет“ и „Унитас“. На их матчи сходилась вся гимназия и приходили даже многие посторонние из города. Футбольное поле находилось перед входом в лагерь. На нем же устраивались и гимнастические празднества с очень красивыми ритмическими номерами, со знаменитыми „тройками“».

За один только 1926 г. школьный клуб принял участие в 26 выездных матчах и 19 на своем поле с приглашенными командами. Некоторое время проводились встречи гимназических команд с местными немецкими клубами, пока, как вспоминал один из трхебовцев, матч в соседнем Цвиттау не закончился массовой дракой болельщиков недовольных судейством немца рефери, явно потворствовавшего соотечественникам. После этого «международные» матчи прекратились.

Следует отметить, что в Чехословакии в довоенный период уделялось большое внимание физической культуре и спорту как средству укрепления здоровья подрастающего поколения. Русские гимнасты, наряду со своими сверстниками, принимали участие в различных соревнованиях. А команда пражской Русской гимназии в первом розыгрыше (сезон 1928/1929 г.) стала даже победителем, опередив свыше тридцати конкурентов. Футболистам гимназии из Моравской Трхебовы не удалось добиться таких впечатляющих успехов, но по крайней мере двое из них смогли сделать успешную спортивную карьеру. Среди них можно назвать Петра Борейшу, ставшего известным голкипером. В списках выпускников Русской гимназии 1921 г. зна-

**Сборная
Русской гимназии
в обновленном составе.
Конец 1920-х гг.**

На снимке:
В. Герасименко,
Савельев,
В. Грабарь,
Гейк, А.
Горчаков,
Ю. Калинин,
Керножицкий,
Коптев,
Скалон,
В. Шапов,
Досужек

чится имя Вадима Балдина, чей талант футболиста раскрылся еще во время пребывания гимназии в Константинополе, где он успел выступить в составе сборной Турции. Позднее, уже в Чехословакии он играл в составе столичных футбольных команд «Спарта» и немецкого клуба DFC. А начиная с сезона 1926/1927 г. становится... артистом балетной труппы Национального театра, на сцене которого он выступал до 1944 г.

Наряду с разнообразными видами спорта большой популярностью у гимназистов пользовались шахматы. Интерес к ним поддерживался занятиями в шахматном кружке и турнирами, а также впе-

чатляющими успехами двух русских шахматных клубов «Алехин» и «Боголюбов», созданных в 1922 г. в Праге, и сумевших добиться впечатляющих побед в клубных турнирах, проводившихся в середине 1920-х гг.

С середины 1930-х годов бывший тржебовец Юрий (Иржи) Подгорный успешно выступал на национальных и международных чемпионатах, где его партнером дважды оказывался легендарный шахматист Александр Алёхин, а в 1970-х годах удостоился звания Международного чемпиона по заочным шахматам, опередив будущего чемпиона мира Юоля Вастерома.

На занятиях шахматного кружка

Туристы в ожидании отправки поезда

Туристы

Одним из наиболее популярных и наиболее многочисленных являлся туристический кружок, в состав которого входило несколько секций: чертежная, ботаническая, редакционная, зоологическая, минералогическая, фотографическая, музыкальная, команда разведчиков экскурсий и санитарная. Работу кружка возглавляли два руководителя, одним из них являлся преподаватель русского языка и туристики Михаил Александрович Лопуховский, чью фигуру можно различить на некоторых фотографиях. За время существования кружка в нем приняли участие более 300 гимназистов. Экскурсии проводились как в окрестностях Моравской Тржебовы, так и далеко за ее пределами: в воспоминаниях тржебовцев фигурируют такие названия, как скала Трнавка, замок Бузай, пропасть Мацоха. Традиционными являлись поездки в Прагу, Брно, Оломоуц и другие города.

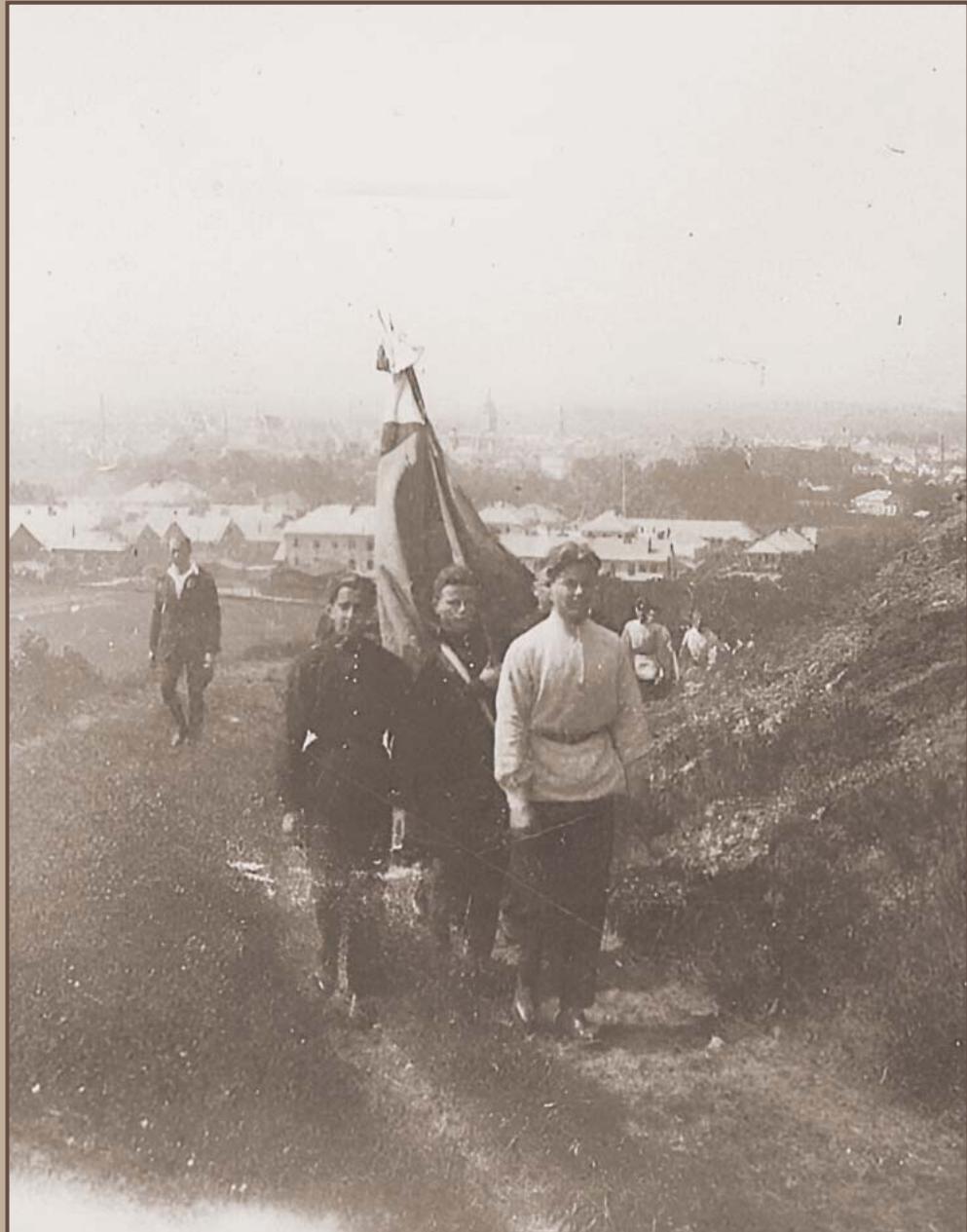
Прогулки служили также своеобразной демонстрацией дисциплины и организации Русской гимназии. Построившись в походную колонну, в голове которой знаменосец нес знамя, расшитое василь-

Знамя кружка туристов

Колонна гимназистов на улицах Моравской Тржебовы

Знаменная группа туристического кружка

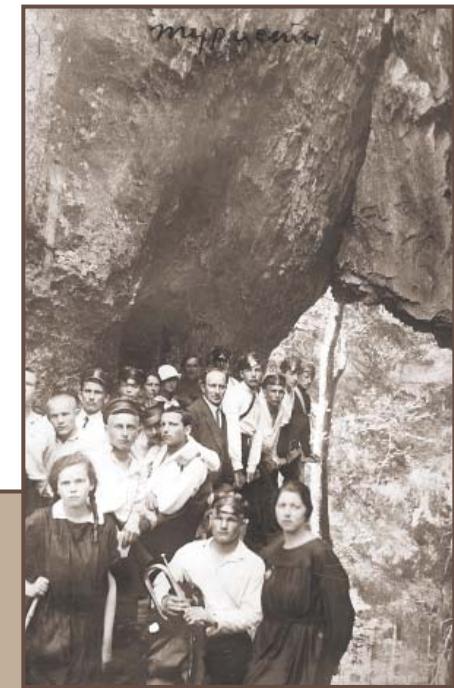
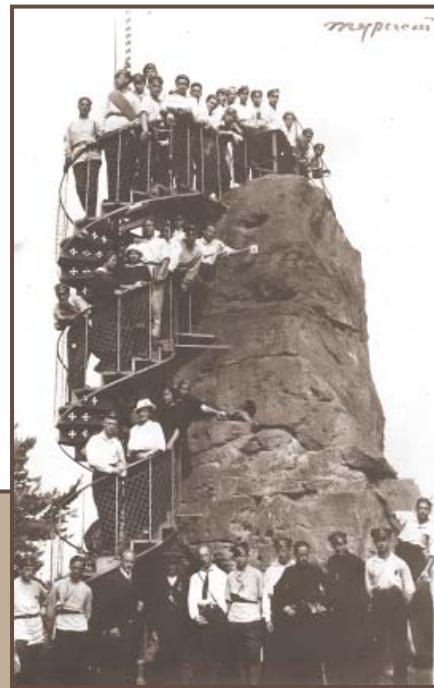
Колонна гимназистов на марше

ками, ромашками и маками, туристы, блистая кожаными поясами на гимнастерках и атласными бантиками в косах, с бодрыми песнями маршировали по полям и холмам Моравии, вызывая любопытство местного населения.

На нескольких фотографиях альбома запечатлено посещение мемориала всем павшим на поле Аустерлица в ходе «Битвы трех императоров» 2 декабря 1805 г., хорошо знакомой гимназистам по страницам романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Открытие памятника, получившего название Курган мира и ставшего первым памятником в Европе, утверждающим идеи пацифизма, состоялось в 1923 году. Тексты на чешском, русском, немецком и французском языках, помеченные в гранитные медальоны, напоминали о павших воинах армий Австрии, России и Франции. Над входом в капеллу слова ветхозаветного пророка Исаии на латыни: «*Interfecti mei resurgent* (Тела умерших восстанут)».

Туристы знакомятся с достопримечательностями края

Туристы на привале

На снимках видно, что в эту поездку отправился практически весь персонал гимназии во главе с директором В. Н. Светозаровым, а возле мемориала прошел под руководством отца Павла Савицкого молебен в память о павших русских воинах.

Посещение мемориала всем павшим на поле Аустерлица

Возложение венка к мемориалу всем павшим на поле Аустерлица

Молебен в память павших русских воинов проводит отец Павел Савицкий

Выступление директора гимназии В. Н. Сетозарова

Во время других экскурсий воспитанники гимназии собирали образцы горных пород, флоры и фауны, которые потом становились экспонатами гимназических выставок, вызывавших восторг преподавателей и посетителей, а заодно служивших предметом шуток и разыгрываний самих гимназистов, о чем напоминает фрагмент одного из рассказа Аллы Головиной: «Ну, что у вас тут есть? — говорили ученики, входя, и смотрели с предвзятым презрением. — Лягушка в спирту? Сгнила ваша лягушка...»

Коллекции, собранные туристами, и их работы

«Соколы»

Гимназия в Моравской Тржебове являлась одним из центров сокольского движения Русского зарубежья в Чехословакии. Можно предположить, что этому мы в значительной мере обязаны В. Н. Светозарову — руководителю местного отделения «Русского сокола». Сокольское движение, возникшее еще в середине XIX в. в Праге и вдохновленное идеями панславизма, быстро распространилось среди славян Австро-Венгрии, а также в России и Сербии. Движение окрепло после Первой мировой войны с обретением независимости Чехословакии.

В 1921 г. русскими эмигрантами было основано гимнастическое общество «Русский сокол» в Праге, где в декабре 1923-го состоялся 1-й съезд русского сокольства за границей, был образован союз «Русский сокол» за границей (действовал с перерывами до 1939 года).

Наряду с задачами физического воспитания на основе «сокольской гимнастики» большое внимание уделялось духовному воспитанию молодежи. Руководители движения декларировали в программных документах, что готовят своих воспитанников как борцов за национальные идеалы русского народа, работают над его национальным и моральным оздоровлением, сражаются с духовным маразмом, принесенным на Родину большевиками-безбожниками. В сокольских кружках практиковались также занятия по стрелковой и военной подготовке, проводились строевые занятия, отрабатывались навыки по ориентированию на местности и разведке местности. В гимназии такие занятия проводились два раза в неделю. Во время выходов тржебовцев из лагеря для участия в различных массовых мероприятиях «соколы» и «соколки» выставляли в голове походной колонны группу разведчиков и охранение по бокам.

В состав тржебовского отделения «Сокола» входили несколько преподавателей и воспитателей Русской гимназии, одним из них был Е. И. Балабин. «Соколы» гимназии устраивали свои праздники и «академии» в Моравской Тржебове и других городах, а также принимали участие в сокольских слетах. О результативности и успешности их работы свидетельствовал диплом, полученный на грандиозном VIII Всесокольском слете, состоявшемся в 1926 г. в Праге. Следуя предшествовали репетиции и соревнования отделений в округах

и уездах. В заключительных мероприятиях, включая показательные выступления на специально построенном для этого стадионе, приняли участие около 14 тысяч юношей и девушек, за которыми наблюдал с трибуны президент Масарик с почетными гостями.

Численность участников гимназического общества не была постоянной. В 1927 г. в нем насчитывалось 9 инструкторов, 2 помощника, 32 члена и 25 подростков.

Группа «соколов» Русской гимназии вместе с руководителем местного отделения «Русского сокола» В. Н. Светозаровым

Члены общества «Русский сокол». В скобках указаны пометки владельца альбома. Некоторые личности установить не удалось.
Верхний ряд: Керножицкий («Бабка»), Филиппов П. (библиотекарь), Кривошеев Николай, Зенкович Николай («Дунька»), Ганицкий Тонда,
Козликин Иван, Кривенко Николай. Сидят: Крюков Леонид, Ефанов, Влна Ярослав Францевич (заведующий гимнастическим залом),
Острогорский (профессор), Никольский Николай Ильич (отец гимназиста Никольского), Слука, Романецков Андрей

Следует заметить, что «профессор Острогорский» не кто иной как доктор медицины Сергей Алексеевич Острогорский (1867–1934), один из основоположников Санкт-Петербургской и Российской школы врачей-педиатров, один из первых директоров высших курсов П. Ф. Лесгафта, почетный лейб-педиатр императорского двора. Оказавшись в эмиграции в Чехословакии, он возглавил Русский педа-

гический институт им. Яна Амоса Коменского, стал профессором Русского народного университета и одним из создателей Общества русских врачей в Чехословакии. При этом Сергей Алексеевич вел обширную общественную деятельность, являясь, в частности, активным членом русского сокольского движения.

Торжественное построение
членов гимназического
отделения общества
«Русский сокол»

Показательные выступления «соколов»

Участники сокольского праздника

Работы гимназистов, приготовленные к Дню русской культуры

Дни русской культуры

В 1925 г. по инициативе Русского педагогического бюро в Праге впервые было организовано проведение Дня русской культуры. В воззвании Бюро отмечалось: «Несколько миллионов русских людей вынуждено жить за пределами нынешней России. Они распылены почти по всем государствам земного шара. И даже там, где они находятся в большом числе, они большую частью не имеют между собой живой связи и объединяющих культурных задач. Значительная часть их поглощена целиком заботами о хлебе насущном и не уделяет достаточного внимания потребностям духа. Если подобное положение вещей затянется, то немалому числу этих русских грозит утрата живого чувства родины...»

Особенно беспокоило организаторов тускнеющее чувство родины у молодежи. День русской культуры должен был им «помочь вновь перечувствовать забытое, воспроизвести перед ними дорогие воспоминания, знакомые образы, родные созвучия».

Первое празднование Дня русской культуры состоялось в том же 1925 г., в день рождения А. С. Пушкина. К этому дню на средства русской колонии на территории Русской гимназии в Моравской Тржебове был установлен памятник с надписью: «Русская культура — мощь и слава России».

Сохранились воспоминания преподавателя гимназии М. А. Лопуховского об этом празднике: «Большие часы на главном здании пробили 8.30. Запела труба и гимназия начала выстраиваться вдоль по русской улице от церкви до Массариковой площади, развернувшись шпалерами. Через 10–15 минут зашевелились хоругви у церкви, и ровно в 8.45 крестный ход двинулся по русской улице. Священник и причт заняли место перед самым памятником, посвященным русской культуре. Начался молебен; замолчали колокола и полились молодые голоса гимназического хора, тая в безоблачном небе тихого и яркого летнего дня. Ни ветерка; точно вся природа прислушивается смыслу совершающегося обряда. Четыре ученика, стоявшие впереди памятника, разом сдернули покрывало, и началось освещение русской эмблемы, оставляемой на память нашего здесь пребывания».

Завершение церемонии открытия Дня русской культуры очевидец описывает так: «Минута движения и... вдруг широкими и мощ-

ными аккордами полился наш старый русский гимн „Коль славен наш Господь в Сионе“... Звуки плывут, растут, несутся в высь и ликуют и рыдают в синем небе. Задрожали все фибры, натянутые, как струны, сжалось сердце, захолонуло грудь. Влажный туман застилает глаза. А гимн все ширится, все растет. Широко распахнулись двери школьного здания и медленно показалось наше родное трехцветное знамя. Вот оно дрогнуло, выпрямилось, а за ним, держа его в руке, вышла она — Россия в боярском сарафане, в кокошнике, вся залитая солнцем, молодая, сильная, стройная. И медленно, медленно идет сюда, к павильону, к памятнику. За нею две боярышины в таких же костюмах. Скромно потуплены очи и прячутся руки под складками фаты. Прорвались рыдания. Кругом слезы. Плачут старики, плачут женщины, плачут видавшие и испытавшие все мужчины. А Россия идет прямо и строго, смотря перед собой. Высоко поднят трехцветный флаг, и гимн гремит под ясным небом. Вот вошла Россия в павильон, медленно наклонилось знамя перед памятником, медленно поднялось снова, и Русь пошла дальше к эстраде. Последние звуки гимна растаяли в воздухе. Звучным голосом брошены первые слова Никитинского стихотворения: „Под большим шатром голубых небес вижу — даль степей зеленеется...“ Уверенно рисует Русь свою былую мощь, свое богатство, свою старину. „Уж и есть за что Русь могучую полюбить тебя, назвать матерью, стать за честь мою против недруга, за меня в нужде сложить голову“. И гордо смотрят серые глаза, горячий румянец молодости и силы заливает юное, но такое строгое лицо».

Площадка, на которой происходили празднества в День русской культуры в гимназии, была застроена арками и возвышениями, украшенными зеленью и национальными флагами. Один из них поднимался на огромной 20-метровой мачте. Программа торжеств всегда была содержательной и красивой, в последние годы устраивалась даже иллюминация. Об этих школьных праздниках появлялись лестные заметки в эмигрантских и местных газетах.

В более поздних воспоминаниях трежебовца Николая Михайловского можно прочитать также о праздновании Дней русской литературы, очевидно, в рамках программы Дня русской культуры,

Молебен перед открытием Дня русской культуры проводит отец Павел Савицкий. 1925 г.

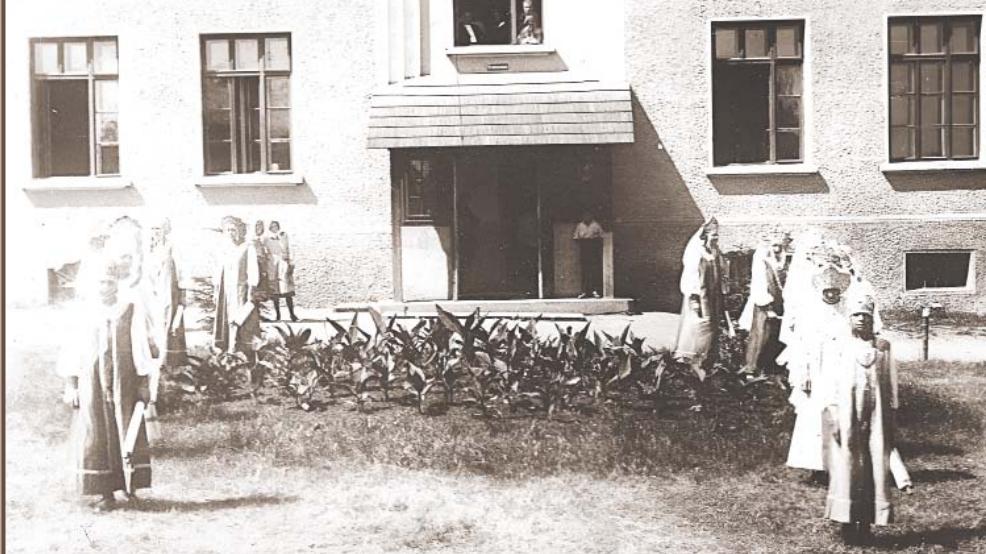

Молебен перед открытием Дня русской культуры. 1929 г.

«Русь» (Люся Лисунова) в сопровождении двух «боярышень» на открытии Дня русской культуры в Моравской Тржебове. 1925 г.

Торжественное построение персонала и воспитанников гимназии по случаю Дня русской культуры (в центре площади — памятник «Русская культура»). 1928 г.

Участницы Дня русской культуры

Показательные выступления гимнастов в День русской культуры

когда «дети, шествовали вокруг площади (посередине которой росла большая липа), где были укреплены имена всех известных русских писателей, и имя моего деда было, конечно, самое длинное — Н. Г. Гарин-Михайловский».

Национальные праздники Чехословакии

Русская гимназия принимала активное участие в подготовке и проведении национальных праздников, приютившей ее Чехословакии. На фотографиях альбома запечатлены несколько таких торжеств, проходивших в Моравской Тржебове. Часть из них датирована 28 октября 1928 г., когда по всей стране с размахом отмечалось

Торжественное шествие гимназии по случаю национального праздника Чехословацкой Республики (дорога к Козьей ножке на липовую аллею)

10-летие Чехословацкой республики. В гимназии по этому случаю состоялся митинг возле специально посаженной на площади «клипы свободы» (липа с 1848 г. стала одним из национальных символов Чехии, приобретшим особую популярность после окончания Первой мировой войны и обретения страной независимости), на котором выступили с приветственными и благодарственными речами директор и преподаватели гимназии.

Кульминацией праздника являлось торжественное шествие всей гимназии с духовым оркестром, со знаменами и классными значками.

Так же торжественно отмечались в гимназии 75- и 80-летие Томаша Масарика (в 1925 и 1930 гг.) и избрание его президентом в 1927 и 1934 гг.

Торжественное построение Русской гимназии по случаю национального праздника Чехословацкой республики. Выступление директора гимназии А. П. Петрова перед собравшимися

Празднование 10-летия Чехословацкой
республики 28 октября 1928 г.

Торжественное построение Русской гимназии
по случаю повторного избрания Томаша Масарика
президентом Чехословакии. 1927 г.

Во время поездки Масарика по стране в конце 1920-х гг. делегация гимназии во главе с директором Светозаровым приветствовала президента на городской площади Евичко, а ученица приготовительного класса преподнесла исполненный учащимися адрес, написанный древнеславянским шрифтом. Чуть позже, когда Масарик проезжал через расположенную неподалеку от Моравской Тржебовы Трнавку, его встречала построившаяся там Русская гимназия в полном составе.

Социальное воспитание

Из Юбилейного отчета директора Русской гимназии В. Н. Светозарова можно узнать, насколько большое внимание уделялось социальному воспитанию учащихся. Гимназисты принимали участие в благотворительных акциях юношеского Красного креста, сборе пожертвований в День русского инвалида и в День русского ребенка, а также в пользу пострадавших от землетрясения в Болгарии. Как пишет Владимир Николаевич: «Стремясь оказать помощь ближнему, дети старались в первую очередь собрать материальные средства, пожертвования, устраивали с этой целью вечера и концерты... ходили с кружками и продавали значки, собирая таким образом значительные суммы».

Наибольший масштаб приобрела акция сбора пожертвований в пользу русских воинов инвалидов — участников Первой мировой и Гражданской войн. С этой целью с 1926 г. стал проводиться так называемый День русского инвалида, приуроченный ко Дню святого Николая Чудотворца. В Чехословакии он проводился на протяжении нескольких последующих лет при активной поддержке правительства страны и различных общественных организаций русской эмиграции.

Еще одним важным праздником для российской эмиграции стал День русского ребенка, приуроченный к церковному празднику Благовещения. Впервые такой праздник отмечался в 1928 г. в Праге. В рамках праздничной программы выпускались брошюры, стави-

лись театрализованные представления по мотивам произведений великих русских писателей, проводились благотворительные лотереи и сбор средств в пользу эмигрантских детей. Участвуя в праздничных мероприятиях, молодое поколение знакомилось с русской культурой, историей, впитывало в себя традиции и ценности дореволюционной России. Позднее благотворительные акции стали координироваться специально созданным комитетом. Традиции проведения этого праздника сохранились в среде русских эмигрантов до наших дней. Еще в 2018 г. можно было прочитать сообщения СМИ о праздновании Дня русского ребенка в Сан-Франциско, где он отмечался уже 87 раз. Все собранные средства были тогда направлены в помощь нуждающимся детям. Прежде всего в детские дома и приюты России и Украины.

Участники сбора пожертвований в День русского инвалида

Участники сбора пожертвований в День русского ребенка. В центре — директор гимназии В. Н. Светозаров и преподаватель Н. Н. Дрейер.
Стоят: Галия Щербинская, Нина Светозарова, Вера Гейк, Жоржик Оппельталь, Мушка Вальтер. **Сидят:** Галия Грдасова, Лиза Штейгер, Вера Копецкая, Люся Левицкая, Валя Яшинская, Аня Тарапуха

Детский сад

Уже в Константинополе при Русской гимназии был создан детский сад, в котором воспитывались не только дети преподавателей и персонала, но и сироты. Детский сад при гимназии продолжал функционировать и в дальнейшем. Из отчета о деятельности Русской гимназии за 1927 г. можно узнать, что на тот момент в ней были открыты три отделения детского сада, в том числе для детей младшего возраста 4–5 лет, и приглашен специальный персонал. В дальнейшем воспитанники детского сада, как правило, становились воспитанниками гимназии.

Под фотографиями, запечатлевшими воспитанников детского сада, не нашлось ни одной фамилии и даты. Остается только предполагать, что среди женщин, которых можно разглядеть на фотографиях, есть заведовавшие детским садом В. К. Кривенко и М. К. Герасименко.

Игровая комната детского сада

О большинстве таких детей и их дальнейшей судьбе нам мало что известно, за исключением обрывочных сведений. Алла Головина описывает «младшего страдающего брата» как ребенка в полудлинных казенных штанах, в огромной фуражке и вечно простуженного. Волосы у которого не причесаны и не подстрижены. «А что касается маленьких девочек, — вспоминает она дальше, — то, думаю, никакая куколка никакой бабочки не бывала так безобразна, как эти маленькие будущие славянские красавицы в синих, в дудку, шерстяных пальтах, шнурованных ботинках, слишком широких на щиколотке, с просто бритыми головами». Как бы то ни было, на фотографиях в альбоме они выглядят если не счастливыми, то довольными и ухоженными под заботливой опекой своих воспитателей.

В отчете директора гимназии за 1927 г. приведен список воспитанников детского сада. На тот год в нем числилось 32 ребенка.

Спальня (дортуар) детского сада

Воспитатели детского сада со своими питомцами

Отряд воспитанников детского сада со своим знаменем

В скобках указывалось, откуда они родом, и эти примечания красноречиво свидетельствуют о судьбах изгнанников: Ялта, Архангельск, Одесса, Либава, Полтава, Константинополь, Киев, Харьков, Пятигорск, станицы Донской области, Москва, Петроград, Царское село, Иркутск, Япония, пароход «Мечта» в Черном море...

Эти ребята, формально принадлежавшие к эмиграции первой волны, к началу 1930-х гг. уже не были похожи на своих старших товарищ: многие, как подмечала Алла Головина, «говорили между собою по-чешски» и «кимели свои интересы на стороне от русской гимназии».

Дети в новогодних
костюмах

Представители министерства образования и министерства культуры, курирующие деятельность Русской гимназии
(на заднем плане В. Н. Светозаров и Д. Д. Гнедовский)

Куратор Русской гимназии И. Урбан

Кураторы Русской гимназии

На четырех фотографиях альбома запечатлены «кураторы» Русской гимназии в Моравской Тржебове, при этом только в двух случаях названы их фамилии: Гавличка и доктор И. Урбан. Одна из групповых фотографий имеет подпись «Представители министерства образования и культуры Чехословацкой республики», другая — «Чешское начальство гимназии». На основании этих скудных сведений можно предположить, что фотографии относятся к тому периоду, когда гимназия была уже передана из ведения Министер-

Директор гимназии В. Н. Светозаров с одним из чешских кураторов (г-н Гавличка)

«Чешское начальство» гимназии (на заднем плане В. Н. Светозаров и Д. Д. Гнедовский)

ства иностранных дел Министерству народного просвещения, где непосредственный контроль деятельности Русской гимназии в Моравской Тржебове осуществлялся Департаментом по культурным сношениям с заграницей в лице его председателя Ф. Шпишека и его сотрудников — И. Шимека, И. Урбана, М. Поляка. В последующем эти функции были делегированы так называемому кураториуму Общества по содержанию русских средних школ в Чехословакии под председательством профессора Ф. И. Лакомого, являющегося по совместительству инспектором русских средних школ в Чехословакской республике. На протяжении девяти лет Лакомый являлся фактически руководителем учебной части, а последние годы и хозяйственной деятельности гимназии. Е. И. Балабин написал о нем так: «Он усердно заботился о том, чтобы учащиеся гимназии, не имея заботы о насущных потребностях, могли бы всецело отдаваться своим занятиям и образованию, потому что новое воскресение русского народа, пострадавшего в мировую войну больше всех, может привести в жизнь только всесторонне и глубоко образованное поколение, проникнутое сознанием своей ответственности к несчастной родине и народу, ради которых не страшны ни работа, ни жертва».

При этом деятельное участие Лакомого в жизни Русской гимназии не обходилось порой без курьезов, о чем также пишет в своих воспоминаниях Балабин: «Как-то раз, приехав, он вошел в классное здание и был поражен, что все классы пусты. Он пошел в другое классное здание — там тоже никого. Идет по лагерю — пусто, никого нет. Наконец он встречает столяра-лютеранина и спрашивает: „Куда делась гимназия?“ — „А все в церкви“. — „Разве сегодня праздник?“ Вошел Лакомый в церковь, отстоял все богослужение, сам он был католик, и потом спрашивает директора Светозарова: „Почему дети в церкви, почему нет занятий?“ — „А сейчас неделя говения, Великий пост“. — „Сколько же дней вы говеете?“ — „Всю неделю, так всегда было в России“. — „Нет, это невозможно, у нас говеют один день“. После торговли сошлись на трех днях — говели в четверг, пятницу и субботу».

Выпускники

В альбоме есть несколько групповых фотографий выпускников разных лет, помимо приведенной выше с именами выпускников 1921 г. В подписях к некоторым из них перечислены фамилии изображенных, иногда с именами или инициалами. Дополнительным источником сведений служат списки выпускников Русской гимназии с 1921 по 1930 г., приведенные в Юбилейном историческом очерке В. Н. Светозарова. При сопоставлении подписей под фотографиями со списком выпускников, становится очевидным, что не все из них попали в объектив камеры.

Обращает на себя внимание фотография девочек, выпускниц 1932 г., класса преподавателя М. А. Лопуховского, украсивших свои головы лопухами. Списков выпускников этого года не удалось найти. В выпущенном нами ранее альбоме Олега Рождественского есть фотография с подписью «Выпускной бал 1931–1932 гг.», на которой изображена группа девочек и перечислены их имена: Елечко, Таранухо (мл.), Инесса Аше, Валя Петрова, Зигмунд, Ловицкая и Цецей. На другом снимке с подписью «После бала. Декабрь 1931 или 1932 г.» указаны Валя Ткаченко, Аня Мышакина, Валя Петрова, Галя

Выпускники 1923 г.
со своими наставниками

Выпускники 1925 г. В центре директор гимназии А. П. Петров

Выпускники 1927 г. со своими наставниками

Класс (не все) будущего 1928 г. выпускса с директором гимназии А. П. Петровым. 1925 г.

Подпись под оригиналом фотографии: 1-й верхний ряд, слева направо: Куповский, Балашевич, неизв., Кестранек, Миша Тарновский, Елагин Тёма;
2-й ряд: Юра Виноградов, Жорж Рыжков (?), Миша Писарский, Борис Мазанов, Гога Чеботарев, Пенионписевич (?), Дима Сокольцов, Костя Блюмович;
3-й ряд: неизв., неизв., неизв., Сергей Шульгин, Вера Трегубова, Нелли Ржондковская, Гая Лисивец, Борис Железняк, Могилевич, Ляцкий Сергей;
4-й ряд: Виктор Трегубов, Светлана Фенина, Мушка Тарновская, Лена Плешкова, А. П. Петров, Лёля Мазанова, Надя Пепескул-Донец, Лиля Олимпиева;
5-й ряд: Лида Серно-Соловьевич, Лёля Левитская, Ксения Вергун, Лена Бoom, Женя Лосева, неизв.;
6-й ряд: Нина Колупаева, Гая Литвинова, Лида Бардина (Барзина), Сафонова Нина

Выпускники 1928 и 1929 гг.
со своими наставниками

Построение выпускных классов 1929 и 1931 гг. перед письменной матурой (экзаменом)

Ярош, Лена и Зина Феофановы (Феофантьевы). Некоторые из них попали на снимок с подписью «Вечер 9-го барака...», рядом с ними запечатлены Дёмкина, Женя Новикова, Нина Лимонт-Иванова и Гирдасова. На других групповых снимках девочек фигурируют помимо этого другие имена: Негебауэр, Люда Калмыкова, Нина Савицкая, Женя и Сусанна Свербеевы, Ира Кривенко и Святополк-Мирская. Понятно, что на фотографии могли попасть ученики разных классов, к тому же не всем гимназистам удавалось получить аттестаты, а некоторые покидали Моравскую Тржебову до выпускных экзаменов, поэтому приведенные сведения могут служить только подспорьем для идентификации лиц, запечатленных на снимках.

В подписи к одной из фотографий стоит незнакомое современному читателю слово «матура», вызывавшее когда-то нервную дрожь у учеников выпускного класса Русской гимназии. Так назывались на чешском языке выпускные экзамены, от результатов которых зависела возможность поступления в высшие учебные заведения и перспективы трудоустройства. Кстати, овладение чешским языком, на котором предстояло сдавать часть устных и письменных экзаменов, вызывало у первых выпускников Моравской Тржебовы, не успевших освоиться в новой языковой среде, особую сложность. «Хуже турецкого!» — вырвалось у одного из них. На письменном экзамене могли выручить приготовленные заранее с помощью родных и знакомых шпаргалки, но устный неизбежно становился для части выпускников настоящим кошмаром. Обратимся снова к рассказу Аллы Головиной: «Устные шли в театральном зале. По алфавиту экзаменовалось по пять человек до обеда, пять — после обеда. Там резали людей под корень и совсем не жалели. Один ученик из нашего выпуска сошел в театральном зале с ума и был увезен родителями, один стал на время заикой, двое провалились. Мы стояли в коридоре перед печкой, выходящей боком в театральный зал, и слушали происходящее через выюшки. Было страшно до ужаса».

Объективно результаты экзаменов свидетельствуют, что летнюю сессию 1927 г. успешно выдержали все допущенные к экзаменам, 11 из них получили аттестат зрелости с отличием, 26 единогласно и 7 большинством голосов экзаменационной комиссии.

К сожалению, мы не располагаем полными статистическими данными, характеризующими, насколько успешно сложилась профес-

циональная карьера выпускников Русской гимназии в Моравской Тржебове. В юбилейном отчете В. Н. Светозарова, сообщается, что за 10 лет (с 1920 по 1930 г.) аттестаты зрелости получили 653 человека, из них около 200 получили высшее образование и стали инженерами и врачами. Судя по рассказам тржебовцев, участников послевоенных встреч, большинство из них смогли добиться успеха в самых разных сферах деятельности — в науке, бизнесе, искусстве, на производстве.

Гимназистки выпускного класса 1930 г. в своем 9-м бараке

Гимназистки выпускного класса 1932 г.
(классный руководитель
М. А. Лопуховский)

Выпускники 1934 г. со своими наставниками.

На снимке: Беляевский, К. Полянский, Малянтович, И. Липко, М. Никольский, Н. Чернавин, Н. Челищев, Марр, З. Градасова, А. Прокофьева, Л. Янда, Н. Васильева, Т. Коминчан, К. Васильева, Бергер («Марк Волоков»), М. А. Лопуховский, В. Н. Светозаров, З. Г. Аше, А. Г. Артюхов, Бергер (дв. брат), В. Ялышев. Примечание: Т. Витторф и Ю. Ширяева учились в этом же классе, но не попали на фотографию

Последний выпуск Русской гимназии в Моравской Тржебове 1935 г. (фото из архива семьи Зубаревых)

Свадьба Лены Кравец (1922) и Леповицкого

Свадьба Г. Юрлова (1924) и Ю. Мильчус (1926)

Свадьбы и похороны

В большой русской колонии, какую представлял лагерь Русской гимназии в Моравской Тржебове, жизнь шла своим чередом. Школьные увлечения гимназистов время от времени приводили к свадьбам. Холостые преподаватели обзаводились собственными семьями, распадались некоторые старые браки, чтобы возникли новые...

Свидетельством этих событий являются две фотографии в альбоме.

В силу естественных процессов за 15 лет пребывания Русской гимназии в Моравской Тржебове ушли из жизни преподаватели и служащие М. М. Газалов (1923), И. Л. Родкевич (1924), Ф. К. Фролов (1929), А. М. Кефала (1930), Н. М. Захаров (1930), И. С. Дрейер (1931), В. И. Горчукова (1931), В. Г. Пащенко (1932), Е. Ф. Газалова (1934), М. Я. Каменецкая (1935), А. В. Балабина (1935), М. В. Евреинова (1935).

Похоронная процессия

Основной причиной смертности среди гимназистов являлся туберкулез и эпидемия менингита, разразившаяся в гимназии весной 1923 г. Болезни унесли жизни Людмилы Пряхиной (1930), Георгия Кривенко (1924), Георгия Копылова (1922), Ивана Федоряка (?), Антона Ильяшенко (1922), Георгия Баратова (1923), Георгия Варшавского (1923), Степана Текучева (?).

Все это, очевидно, являлось следствием перенесенных в раннем детстве бед и лишений Гражданской войны. С течением времени показатели здоровья учащихся заметно улучшились и смертность от болезней прекратилась.

О том, как были организованы похороны в Моравской Тржебове, можно судить по рассказу Аллы Головиной «Загжевский», в котором описывается смерть М. М. Газалова и прощание с ним: «Он умер от

разрыва сердца в мае. Смерть напугала, сентиментальность вызвала слезы. Мои одноклассницы голосили и рыдали, нас на один день освободили от уроков, послали мальчиков за ромашками, а гирлянду из них плели мы — ученицы четвертого класса...

Газалов был в гробу красив и спокоен. Как живой, говорили мы, косясь с левой стороны церкви на печальный правильный профиль, на серый мундир, на гирлянду наших ромашек... Под куполом стоял пыльный луч, хор пел старательными, очень молодыми голосами о вечном покое и памяти... Аллея, ведущая от церкви к ограде лагеря, была посыпана хвоей, гроб несли на руках, по всему пути на кладбище делались маленькие остановки — служились литии. Впереди несли венки, ученики, распахнув руки, показывали немецким прохожим крупные русские надписи черной тушью, национальные цвета лент и ордена на подушке».

Молебен на кладбище при погребении М. М. Газалова, 1923 г.

Похороны гимназиста А. Цурикова, 1927 г.

Могила М. М. Газалова

Похороны преподавателя гимназии И. Л. Родкевича, 1924 г.

Похороны преподавателя гимназии Ф. К. Фролова, 1929 г.

Похороны
преподавателя
гимназии
Ф. К. Фролова,
1929 г.

А. В. Жекулина

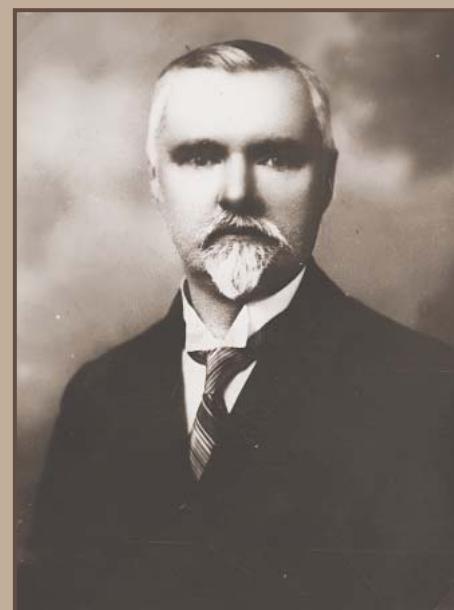
А. Е. Когосянц

А. П. Петров

В. Н. Светозаров

Д. Д. Гнедовский

А. Е. Когосянц и Д. Д. Гнедовский

А. П. Петров и В. Н. Светозаров

Руководство и персонал гимназии

Несколько страниц альбома занимают портреты и групповые фотографии преподавателей, воспитателей и обслуживающего персонала. Некоторые снабжены подписями, другие не имеют каких-либо пометок. Так же разрозненны и неполны сведения об изображенных лицах. Удалось установить даты жизни и смерти большинства из них. Особого внимания заслуживают те, чья судьба непосредственно и тесно на протяжении многих лет была связана с Русской гимназией.

Как уже говорилось выше, одним из инициаторов и организаторов создания Русской гимназии в Константинополе являлась Аделаида Владимировна Жекулина. Педагогическая работа была для нее подлинным призванием. В этой деятельности ей даже не помешали многочисленные беременности: от 10 родов родилось 12 детей, в том числе дважды девочки-близнецы, умершие в детском возрасте. Оставшись вдовой, она сумела организовать в 1911–1912 гг. постройку частной женской гимназии в Киеве, в состав которой, согласно ее замыслу, должны были войти все звенья женского образования: от детского сада, подготовительных классов и гимназии до вечерних курсов. Учебное заведение быстро завоевало широкую известность. Кроме педагогической деятельности Аделаида Владимировна стала активным членом партии кадетов, а во время Великой войны — членом Всероссийского Союза земств и городов (СОГОР) и на свои деньги содержала больницу для раненых солдат. В годы Первой мировой войны руководила госпиталем в Киеве, открыла несколько школ и приютов для детей беженцев и участвовала в работах киевского отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. После бегства в 1919 г. из Киева, занятого большевиками, и эвакуации из Новороссийска в 1920 г. в Константинополь стала одним из руководителей Временного Главного комитета Всероссийского Союза городов. С января 1922 г. в эмиграции в Чехословакии она продолжала вести активную общественную деятельность, участвуя в работе и руководстве Союза русских педагогов средней и низшей школы в Чехословакской республике, Союза русских студентов в Чехословакии, Педагогического бюро по делам

средней и низшей русской школы за границей, Объединения русских учительских организаций за границей и Педагогического общества при Русском народном университете, Общества попечения о русских детях, Общества взаимопомощи русских женщин и ряда других эмигрантских организаций, совмещая это с выполнением обязанностей помощника директора Русской гимназии в Моравской Тржебове и преподавателя Русского педагогического института им. Я. А. Коменского в Праге. Знали ее не только как общественного деятеля, но и как родоначальницу обширного семейного клана, членами которого были все ее дети, внуки, племянники и племянницы — несколько десятков человек. Туда входили все Жекулины, Чилищевы, Евреиновы, Куфтины, Эвергетовы, Дрейер и многие другие, фамилии которых присутствуют в списках преподавателей и воспитанников Русской гимназии в Моравской Тржебове. Вплоть до 1949 г. Аделаида Владимировна оставалась в Праге, и только после того как большинство ее многочисленной родни отправились на Запад, перебралась к своей дочери в Бельгию, где и скончалась 25 февраля 1950 г.

Первым директором Русской гимназии во время ее пребывания в Константинополе и первые годы в Моравской Тржебове стал Адриан Петрович Петров, назначенный на эту должность благодаря рекомендации А. В. Жекулиной в декабре 1920 г. В своем письме, адресованном чешскому дипломату Вацлаву Гирсе, она пишет: «Я горячо рекомендую Андриана Петровича и глубоко уверена, [что Вы] оцените его как одного из наших выдающихся педагогов, для которого работа в Чехии будет радостью и гордостью».

За плечами А. П. Петрова был огромный опыт не только преподавательской, но и организаторской деятельности: в качестве инспектора классов сначала в Мариинском Донском (Новочеркасск), затем, с 1916 г., в Смольном (Петербург) институте благородных девиц. По предложению Петрова летом 1917 г. Смольный институт был переведен в Новочеркасск и соединен с Мариинским Донским. Здесь же, в Новочеркасске, после эвакуации института в Сербию Андриан Петрович вошел в состав Донского правительства в качестве начальника отделения по управлению средними учебными заведениями, с 16 октября 1919 г. стал помощником управляющего отделом просвещения. В Константинополь А. П. Петров прибыл

Слева направо: Р. К. Баумгартен, А. П. Петров, Д. М. Кутырев. 1921–1923 гг.

с острова Лемнос, где работал преподавателем русской литературы в Донском кадетском корпусе. Вместе с ним в этом учебном заведении трудились несколько других преподавателей и воспитателей, позднее перебравшихся в Моравскую Тржебову, в частности, полковник Л. М. Кутырев и подполковник (войсковой старшина) М. А. Поликарпов.

На долю А. П. Петрова выпало решение множества проблем начального периода существования гимназии: определение учебных планов и методик преподавания, включение в программу тех или иных дисциплин, подбор преподавательского состава, решение административно-хозяйственных задач, прием и размещение воспитанников и персонала гимназии. Андриан Петров руководил гимназией три года, затем уехал с семьей в Югославию, куда был эвакуирован Мариинский Донской институт, и вернулся в свою родную обитель преподавателем.

Его преемником стал в марте 1924 г. Арам Емельянович Когосянц. Уроженец Екатеринодара, он с золотой медалью окончил мужскую гимназию и как стипендиат Кавказского учебного округа продолжил образование в Императорском Московском университете на математическом факультете. Был учеником знаменитого профессора-физика Петра Лебедева, основавшего свою научную школу и выдвинутого коллегами на соискание Нобелевской премии. Не менее значимым в научном плане для Когосянца был профессор Николай Жуковский, «отец русской авиации». Под его руководством Арам Емельянович написал работу на соискание золотой медали о центробежных регуляторах. Обстоятельства заставили его вернуться в Екатеринодар, в 1-ю городскую мужскую гимназию, которую он когда-то окончил и где теперь его трудами был оборудован прекрасный физический кабинет, а сама гимназия стала одним из лучших учебных заведений России. В Моравскую Тржебову А. Е. Когосянц прибыл из Болгарии, где преподавал физику и математику в Шуменской гимназии. Преподаванием этих предметов, наряду с выполнением административных обязанностей, Когосянц занимался и на новом месте службы.

Третьим и последним директором Русской гимназии (с 1927 по 1934 г.) стал Владимир Николаевич Светозаров, хорошо знавший А. П. Петрова, с которым они вместе служили в отделе просвещения Временного донского правительства в 1919 г. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета 1909 г., он в мае 1917 г. стал директором мужской гимназии станицы Аннинская, а в январе 1918 г. вошел в состав Объединенного правительства Всевеликого войска Донского. С апреля 1920 г. находился в Севастополе, где вошел в состав комиссии по сохранению ценностей Донской армии под председательством генерал-майора Е. И. Балабина. По поручению Донского правительства в этом же году был командирован на остров Лемнос для изучения положения находившихся там русских беженцев. Здесь Владимир Николаевич похоронил своего трехлетнего сына. После создания Русской гимназии в Константинополе преподавал в ней историю, в марте 1921-го занял должность помощника директора, продолжая преподавать историю и законоведение. Светозаров возглавлял гимназию и после переезда из Моравской Тржебовы в Прагу. А с 1934 по 1937 г.

занимал должность директора Русской реформированной реальной гимназии в Праге. Одновременно с административно-преподавательской работой А. П. Петров активно занимался общественной деятельностью. В сентябре 1922 г. избран председателем Союза русских педагогов средней и низшей школы в Чехословацкой республике. Член организационного комитета Педагогического съезда деятелей средней и низшей школы, проведенного в Праге с 2 по 6 апреля 1923 г., вошел в его президиум. Один из создателей, заместитель председателя правления Объединения русских учительских организаций за границей. В 1923 г. стал членом президиума Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Вошел в правление Педагогической секции при Чешско-русском объединении. В 1926 г. стал членом Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой республике. До 1940 г. состоял в Русском историческом обществе в Праге. Был старостой спортивного общества «Русский сокол» в Моравской Тржебове. В октябре 1937 г. стал заместителем председателя Краевого союза русского сокольства в Чехословакии. Член правления Фонда помощи русским студентам в чешских высших учебных заведениях и Объединения русских эмигрантских организаций в Чехословацкой республике. В мае 1945 г. встречал Красную Армию, освободившую Прагу, но вскоре был арестован сотрудниками органов госбезопасности. По счастью, был скоро освобожден. В 1946 г. скончался и был похоронен на Ольшанском кладбище.

Среди сотрудников Русской гимназии выделяется группа выходцев из Донской области. Все они в силу этого были знакомы с А. П. Петровым и В. Н. Светозаровым. К их числу относится, в частности, уроженец станицы Кочетовской и выпускник московской Духовной академии Мирон Афиногенович Горчуков. Перед революцией он был назначен директором гимназии в станице Урюпинской, а затем стал директором Новочеркасского реального училища. После 1917 г. состоял депутатом Донского Войскового Круга всех созывов и вместе с Кругом выехал на Лемнос, где тут же организовал гимназию для взрослых. В Моравской Тржебове Мирон Афиногенович, получивший от своих воспитанников странное прозвище «Ренабо», преподавал русский язык, литературу и психологию.

Группа преподавателей и воспитателей Русской гимназии. В нижнем ряду в центре В. Н. Светозаров и Д. Д. Гнедовский

А. Г. Артюхов

З. Г. Аше

Е. И. Балабин

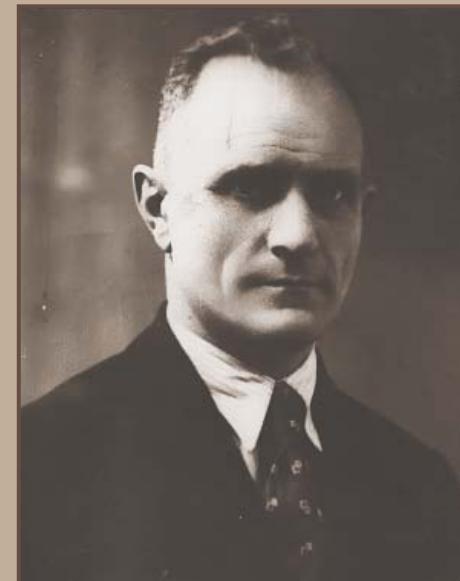
Н. Е. Безбородов

С. А. Брянчанинова

С. В. Булгаков

Я. Ф. Влина

М. К. Герасименко

М. М. Гамалицкая

В. В. Гамалицкий

Глухов

М. А. Горчуков

В. С. Грабовый

Н. Н. Дрейпер

Б. С. Евтушенко

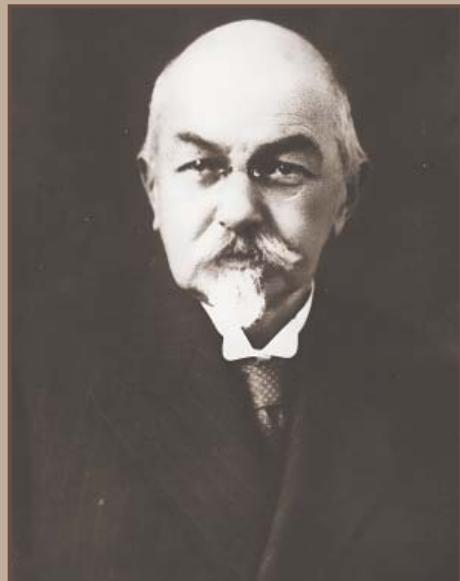
Е. П. Железняк

В. Э. Зозулина-Роде

С. В. Зубарев

А. М. Кефала

О. С. Ктитарева

Д. М. Кутырев

Н. Н. Лакида

М. А. Левитская

В. Н. Львова

З. И. Макарова

К. М. Макарова

Л. С. Межинская

А. Е. Новиков (?)

М. А. Поликарпов

Ж. Стэтлер

Е. И. Троицкая

Г. К. Холоманов

Л. И. Шимек

Таким же опытным педагогом и администратором являлся Федор Карпович Фролов, окончивший в 1888 г. кандидатом историко-филологический факультет Харьковского университета по отделению классической и славяно-русской филологии. С 1906 г. он занимал должность директора Новочеркасской классической гимназии (Платовской), а с 1923 г. преподавал русский язык в Моравской Тржебове, где он и скончался в 1929 г., оставив в наследство неопубликованный словарь «Латинская стихия в русском языке», в котором было собрано более 3 000 латинских слов, вошедших в русский культурный лексикон.

Донской казак генерал-майор Евгений Иванович Балабин начал работать в гимназии еще в Константинополе. Евгений Иванович сопровождал при переезде в Моравскую Тржебову последний эшелон с учащимися и служил воспитателем в Русской гимназии с января 1922 по 1938 г. Этому предшествовала многолетняя служба в армии. Выпускник Донского кадетского корпуса и Николаевского военного училища, кадровый офицер лейб-гвардии Казачьего его величества полка, принимал активное участие в Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войнах. Командир 12-го Донского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка, затем начальник 9-й Донской дивизии, а в Белом движении командующий боевой линией обороны Новочеркасска и член Войскового Круга Всевеликого Войска Донского и Донского правительства.

В воспоминаниях тржебовца Сергея Махонина можно прочитать: «Генерал Евгений Иванович Балабин ходил с ранней осени в отменно вычищенной и наглухо застегнутой военной шинели. Шинель свою он чистил ежедневно вот уже как десять лет, начиная с 1921 года, носил ее всегда с образцовой выправкой и учил этому нас — всю третью палату мальчиков. Был он нашим воспитателем в интернате и требовал во всем порядка: серебристые выпуклые пуговицы на нашей гимназической форме должны быть ровно пришиты и начищены, серебристая кокарда на фуражке четко по центру, брюки наглажены... После ужина задумчивый и спокойный, одинокий в этой жизни генерал всегда читал нам страницы приключенческих романов. Мы сидели на длинных скамейках и слушали прекрасную литературу с замиранием сердца и не дыша.

Мы привязались к этому суровому человеку, полюбив его не только за военную выправку, между нами установилась та бессловесная любовь — любовь, которую мы не чувствовали даже к родителям». Остается добавить, что этот суровый человек, стал в Моравской Тржебове также одним из активных «соколов» и организатором хора мальчиков, а на память о себе оставил отмеченные несомненным литературным талантом воспоминания «Далекое и близкое, старое и новое».

Среди преподавателей Русской гимназии числился еще один генерал — Василий Григорьевич Пащенко, крупный военный деятель Российской императорской армии. Выпускник Петровского Полтавского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского училища и Михайловской артиллерийской академии (по 1-му разряду) считался крупным специалистом в области артиллерийского дела. Первую мировую войну Пащенко встретил в звании генерал-лейтенанта и в должности коменданта Свеаборгской крепости. Выходец из украинского казацкого дворянства, Пащенко принял деятельное участие в создании независимой Украины, удостоившись звания генерального значкового Армии Украинской Державы, а в Моравской Тржебове до самой смерти, наступившей в 1932 г., довольствовался скромной должностью преподавателя начертательной геометрии.

Многие преподаватели гимназии служили в армии в годы Первой мировой и Гражданской войн, хотя кадровых военных среди них было буквально несколько человек. К этому сословию принадлежал, в первую очередь, известный специалист в области геодезии, полковник Генерального штаба Михаил Мартынович Газалов, бывший преподаватель Пажеского корпуса и профессор Технологического института. В Русской гимназии он преподавал математику и оставил о себе самые яркие воспоминания у своих учеников. Одно из них принадлежит Алле Головиной: «Мы боялись Газалова, как огня. Седой, видный, усатый, стройный, он смотрел на нас из-под бровей в три пальца и кричал на нас страшно. Перед концом третьей четверти „неудовлетворительных“ отметок уже никто не считал, все исходали и, уча урок, ни на что не надеялись. Последнюю возможность исправления четвертной отметки Газалов нам дал в помещении культурно-просветительного кружка, однажды после уроков... В помещении кружка пахло воском — там фабриковали свечи для

церкви. Висел портрет Пушкина и изречение президента Масарика, в рамочке: „Правда побеждает”. Тут же стояла принесенная из класса доска и высился Газалов, заложивший руку за борт серой шинели: грозный, каменный. Мы проходили тогда начало геометрии: ерунду о смежных углах, о сумме внешних углов, какие-то аксиомы, теоремы, недлинные формулы. Никто не исправил себе отметку. Покрикивая, Газалов выгонял нас по очереди. И мы уносились, трепеща, ругая его шепотом, ненавидя». Смерть преподавателя от разрыва сердца, наступившая в 1923 г., заставила гимназистов забыть об обидах и искренне оплакивать его скоропостижную кончину.

На групповых снимках можно увидеть полковника Петра Алексеевича фон Вика и капитана 1 ранга Михаила Аркадьевича Елагина.

М. А. Елагин вышел из Морского корпуса в 1894 г., и считается одним из первых русских подводников. В 1904 г. был назначен на подводную лодку «Дельфин». Во время учебного погружения у стенки Балтийского завода, вследствие ошибочных действий временно исполнявшего обязанности командира лейтенанта А. Н. Черкасова, лодка затонула, при этом погибли 24 матроса и командир. Лейтенанту Елагину и десяти нижним чинам удалось спастись через рубочный люк. После этого занимал различные береговые административные должности. Во время Первой мировой войны начальник Керченского торгового порта, помощник начальника обороны Керченского пролива. Эвакуировался в Турцию в составе Русской эскадры. Судя по всему, в штатах персонала гимназии он числился недолго. Скончался в 1933 г. И был похоронен, как и М. М. Газалов, в Моравской Тржебове.

Петр Алексеевич фон Вик окончил Симбирский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Первую мировую войну прошел в составе гвардейского кирасирского его величества полка. За успешные боевые действия эскадрона кирасир под его командой ротмистр Вик был награжден орденом Георгия Победоносца. Был дважды ранен. Октябрьский переворот 1917 г. не принял и вскоре оказался в рядах Добровольческой армии, выступившей в феврале 1918 г. из Ростова-на-Дону в 80-дневный Кубанский поход, позже названный «Ледяным». В боях с большевиками проявил недюжинный военный талант и закончил войну в чине полковника. Командовал эскадроном лейб-гвардии Кирасирского полка, а перед

эвакуацией из Крыма назначен начальником хозяйственной части полка. Из Константинополя эмигрировал в Чехословакию, где состоял в Союзе русских педагогов и числился среди сотрудников Русской гимназии в Моравской Тржебове. Позже перебрался в Париж, где числился секретарем полкового объединения лейб-гвардии Кирасирского полка в Париже и заведовал полковым музеем.

Ветераны Добровольческой армии занимали особое место в иерархии русской военной эмиграции. К таким ветеранам относились преподаватель истории и русского языка Платон Васильевич Копецкий и воспитатель Всеволод Александрович Богенгардт. Подпоручик Богенгардт в числе первых прибыл в Добровольческую армию. Участник 1-го Кубанского похода в 4-й роте Офицерского полка, он в декабре 1918 г. служил в комендантской команде 1-го Офицерского (Марковского) полка, где встретился с Сергеем Эфроном, мужем Марины Цветаевой, с которым был знаком еще со времен учёбы в Московском университете. В чине капитана эвакуировался из Крыма с Русской Армией в Константинополь, а затем вместе с женой Ольгой Николаевой (урожденной графиней Стенбок-Фермор) поступил на службу в Русскую гимназию в Моравской Тржебове. В воспоминаниях Ариадны Эфрон, ставшей на несколько месяцев воспитанницей гимназии, есть строки: «В гимназии работали в качестве воспитателей недавние однополчане отца, супруги Богенгардты. Он — высокий, рыжий, с щеголеватой выпрямкой, офицер еще царской армии, она — крупная, громоздкая, с волосами, собранными на затылке в тугой кукиш, с явно черневшими над верхней губой усиками — сестра милосердия, мать-командирша. На фронте она выходила его после тяжелых ранений, отучила от водки, отвела от самоубийства, стала его женой. И чтобы жизнь получила оправдание и смысл, оба посвятили ее детям-сиротам». Вместе с ними в Моравскую Тржебову перебралась мать Всеволода Александровича — Антонина Константиновна Богенгардт. Выпускница Московского Николаевского сиротского института, в котором началась ее педагогическая деятельность. После выхода замуж оказалась в Красноярске, где поступила преподавателем немецкого и французского языков в женскую гимназию, в 1908 г. была назначена начальницей гимназии и находилась в этой должности до 1917 г. К моменту поступления в гимназию в Моравской Тржебове ее общий преподава-

тельский стаж составлял почти 20 лет. Богенгардты поддерживали близкие отношения с Марией Цветаевой и состояли с ней в переписке вплоть до ее отъезда в СССР.

Платон Васильевич Копецкий перед Первой мировой войной окончил Харьковскую духовную семинарию, затем Варшавский университет и Елисаветградское кавалерийское училище. В Первой мировой войне участвовал в составе Ингерманландского гусарского полка. В 1919 г. вступил в Добровольческую Армию. В составе Дроздовской дивизии воевал на Украине, участвовал в походе на Москву, сражался с большевиками в Таврии и оборонял Перекоп. После этих боев остатки дивизии были сведены в полк, вместе с которым Платон Копецкий, теперь уже в чине капитана, эвакуировался в Константинополь. В галлиполийском лагере стал адъютантом командира сводного Корниловского полка, а затем эмигрировал в Чехословакию, где долгое время учительствовал в Русской гимназии, в начале в Моравской Тржебове, а затем в Праге. После прихода Красной Армии был арестован сотрудниками органов безопасности, и лишь благодаря заступничеству брата — Леонтия Васильевича Копецкого, известного слависта, заведующего факультетом русского языка и профессора Карлова университета, а по совместительству советника МИД Чехословакии в послевоенное время — ему удалось вырваться из застенков и вернуться в Прагу, где он скончался в 1982 г. Известно, что в мае 1945 г. арестам подверглись от полутора до трех тысяч русских эмигрантов, в основном представители интеллигенции, среди которых наверняка были выпускники Русской гимназии в Моравской Тржебове. Более половины из них имели чехословацкое гражданство или нансеновские паспорта, т. е., согласно чехословацкому и международному праву, не попадали под юрисдикцию советских органов.

Среди первых преподавателей Русской гимназии упоминается профессор Сергей Константинович Гогель, выдающийся ученый и судебный деятель. Перед революцией занимал должность ректора Психоневрологического института. В 1920 г. директор юридического университета в Севастополе, откуда эмигрировал в Константинополь. С 1922 г. — профессор Русского юридического факультета в Праге, затем преподаватель Русского научного института в Берлине. Член Комитета съездов русских юристов за границей.

С 1925 по 1927 г. в Моравской Тржебове преподавал один из крупнейших славистов своего времени, карпато-русский ученый и общественно-политический деятель Юлиан Андреевич Яворский.

Около двух лет уроки музыки давала гимназистам Русской гимназии Валентина Стефановна де Миньяр (урожденная Гонибесова). В 1917 г. она закончила с золотой медалью Петроградскую консерваторию и Виртуозное отделение профессора И. А. Гляссера и оставлена при консерватории. В связи с революционными событиями в Петрограде уехала в Челябинск, где продолжила свое музыкальное образование у пианиста-виртуоза, доктора А. К. де-Миньяра, а вскоре стала и его женой. Окружным путем они в 1923 г. попали в Чехословакию, но вскоре Валентина Стефановна овдовела. Окончив в 1929 г. с отличием Пражскую консерваторию, талантливая пианистка стала преподавателем в Русской гимназии в Моравской Тржебове, где учился ее сын. Через два года де Миньяр переехала в Прагу и открыла свою музыкальную школу. В 1945 г. она вместе с новым мужем перебралась в Германию, а затем в США, не прекращая заниматься музыкальной педагогической деятельностью. Скончалась в Лос-Анжелесе в 1971 г.

Еще одним наставником гимназистов в мире музыки стал Борис Степанович Евтушенко. Как и многие русские эмигранты он в начале оказался в Константинополе, а затем в Чехословакии, где поступил в Брненский университет для изучения химии, однако вскоре перешел в местную консерваторию, где занимался в классах голоса (бас), композиции и дирижирования. После окончания консерватории стал учителем музыки в Русской гимназии в Моравской Тржебове, а после ее закрытия — в Русской реформированной гимназии в Праге. Созданный им гимназический хор являлся постоянным участником праздничных мероприятий и богослужений. В конце 1930-х гг. Евтушенко стал выступать на оперной сцене, давать концерты и записываться на радио. В конце Второй мировой войны перебрался в Баварию, а затем в США, где в течение сезона 1948/1949 г. пел в легендарном хоре Сергея Жарова. В дальнейшем Борис Евтушенко принял должность настоятеля Русской православной церкви в Харфорде, штат Коннектикут, где остался жить до своей кончины, продолжая заниматься хоровой деятельностью и эпизодически участвуя в гастрольных постановках Метрополитен-оперы и Нью-Йоркской оперы.

В отчете А. П. Петрова, в разделе, освещающем константинопольский период существования гимназии, упоминается о сотрудничестве с художником Николаем Васильевичем Пинегиным. К этому времени выпускник Академии художеств успел принять участие в экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу на шхуне «Святой Фока» в качестве художника, фотографа и кинооператора. Революцию Пинегин встретил в должности художника Черноморского флота, а в 1920 г. эмигрировал в Константинополь, где он принял участие в устройстве Русской гимназии. В 1923 г. вернулся в Россию, принимал активное участие в освоении Арктики. Под его руководством были проведены несколько научно-исследовательских экспедиций. Имя художника носит ряд географических объектов, а в основанном им во время работы в Арктическом институте музее до сих пор хранятся собранные им экспонаты. Скончался Н. В. Пинегин в 1940 г. в Ленинграде и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище (тело впоследствии было перенесено на Литераторские мостки).

С Русской гимназией в Моравской Тржебове связано имя художницы Варвары Эмилиевны Зозулиной-Роде, выпускницы Художественного училища Общества изящных искусств в Одессе по живописно-скulptурному отделению. Позднее, оказавшись в Петербурге, совершенствовала мастерство в художественной мастерской Е. Н. Званцевой, получив возможность общения с такими мастерами как К. А. Сомов и К. С. Петров-Водкин. Глядя на оформление гимназического театра и некоторые художественные поделки детей в стиле работ И. Я. Билибина, можно предположить, что это произошло не без ее участия. В зарубежных частных коллекциях сохранились ее наброски карандашом и тушью сказочных сюжетов и икон, а также листки с прописями русских буквц в духе парижского Билибина, с которым судьба свела Зозулину на пароходе «Саратов», увозившем в 1920 г. русских эмигрантов из Новороссийска. В Моравской Тржебове Зозулина оказалась в 1922 г., а спустя четыре года перебралась в Париж. Но успех к художнице пришел лишь в конце 1930-х гг., когда ее иллюстрации к произведениям Марселя Пруста удостоились высокой оценки критиков. Во время Второй мировой войны Варвара Эмилиевна перебралась в Брюссель, а затем, в 1954 г., в Канаду, где в 1969 г. закончился ее жизненный путь.

На протяжении многих лет в Моравской Тржебове преподавал латынь и русскую литературу выпускник Санкт-Петербургского университета Владимир Владимирович Перемиловский. До эмиграции он входил в круг выдающегося филолога Ф. Ф. Зелинского, сотрудничал с журналом «Мир искусств», был близким другом известного писателя и художника-графика А. М. Ремизова. Их дружба и сотрудничество продолжились в эмиграции, первые годы которой, с 1920 по 1925 г., Перемиловский провел в Харбине, занимаясь преподавательской деятельностью, пока не перебрался в Чехословакию. Перу Перемиловского принадлежит «Литературная хрестоматия», книги, посвященные творчеству А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, цикл брошюр обзорного характера и многочисленные публикации в эмигрантской прессе. Скончался в 1966 г. И после кремации его прах был предан земле на Ольшанском кладбище в Праге.

В списках персонала гимназии фигурировали имена Константина Константиновича Троицкого, преподавателя истории, русского языка и литературы, принятого первоначально в 1927 г. на службу в гимназии на должность делопроизводителя, и его жены Екатерины Ивановны, учившей ребят английскому языку. В начале 1930-х гг. этот брак распался, из Моравской Тржебовы Константин Константинович уехал вместе с племянницей А. В. Жекулиной, преподавателем французского языка Наталией Николаевной Лидерс. Этой супружеской паре предстояло стать основателями Русской школы в Сан-Паулу, Бразилия.

Заслуживает внимания судьба воспитателя и преподавателя русского языка и истории Сергея Васильевича Зубарева, сведения о котором были предоставлены его внуками — Олегом и Татьяной Зубаревыми. Родившийся в семье потомственного священника Сергей Зубарев с детства проявил тягу к знаниям. Следуя семейной традиции, окончил Глазовское духовное училище, а затем Вятскую духовную семинарию. В дальнейшем Сергей предпочел духовной карьере светскую деятельность и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, откуда через два года перевелся в Петербургский университет и окончил его в 1910 г. с дипломом первой степени. Педагогическую деятельность С. В. Зубарев начал в 1911 г. в должности преподавателя Павлоградской женской гимназии, куда приехал уже с молодой женой. Анна Яков-

левна (в девичестве Сырнева) вскоре подарила ему дочь Юлию. Большевистский переворот застал его в должности директора Павлоградской мужской гимназии, пользующегося любовью и уважением своих воспитанников. В 1919 г. один из них спас его от самосуда красноармейцев, захвативших город, после чего стало ясно, что нужно искать спасения в Белом стане. Оставив семью в надежде, что скоро восстановится порядок и он сможет вернуться к родным, Зубарев оказался в Крыму, откуда вместе с другими беженцами был эвакуирован в 1920 г. в Константинополь, где его свалила испанская. Из Турции Сергей Васильевич перебрался в Грецию, где принял руководство над только что созданной Русской прогимназией, в которой одновременно преподавал русский и латинский языки. После закрытия прогимназии в 1924 г. переехал в Чехословакию, поступил в Русский педагогический институт Яна Ямоса Каменского и после его окончания в 1927 г. поступил на службу в Русскую гимназию в Моравской Тржебове. Формально он начал работать здесь годом раньше, как воспитатель и вспомогательный преподаватель. Среди его учениц оказалась Надежда Георгиевна Сухомлинова. Через два года после окончания гимназии, в 1931 г., она стала женой Сергея Васильевича (к этому времени его первая жена уже была замужем). В 1935 г. Русская гимназия в Моравской Тржебове была закрыта, а часть учеников и персонала переведена в Прагу. Новое место работы удалось найти в так называемой Подкарпатской Руси, входившей тогда в состав Чехословакии, где с давних времен компактно проживали русины. На эту территорию, включая ее главные города Ужгород, Мукачево и Берегово, претендовали несколько государств. После оккупации Чехословакии германскими войсками и раздела страны в 1938 г. эта область отошла к Вен-

грии, хотя какое-то время здесь даже существовало независимое государство Карпатская Украина. В 1944 г. сюда пришла Красная Армия, а в июне 1945 г. Подкарпатская Русь стала частью советской Украины. С 1944 г. С. В. Зубарев преподавал русский язык в школах Ужгорода, а в 1948 г. смог поступить на должность преподавателя филологии, старославянского и русского языков в Ужгородском государственном университете. Не прошло и двух лет, как советская власть, припомнив его прошлое, вышвырнула Зубарева из университета, а затем из собственной квартиры. С неимоверным трудом семье удалось перебраться в Чечню, где Сергей Васильевич продолжал учительствовать в сельских школах. Но теперь советская власть взялась за его близких. В 1963 г. единственный сын Зубаревых Александр, студент выпускного курса, блестяще окончивший школу и поступивший в одно из самых престижных учебных заведений страны — МГИМО, был арестован и осужден на три года. Душевное потрясение остро отразилось на состоянии здоровья Сергея Васильевича и в октябре 1966 г. он скончался от кровоизлияния в мозг, не дождавшись возвращения сына из заключения, и был похоронен на городском кладбище города Грозный.

В целом можно констатировать, что уровень преподавания в Русской гимназии в Моравской Тржебове был достаточно высоким, а большинство его выпускников смогли продолжить образование в высших учебных заведениях и добились успеха в самых разных областях профессиональной деятельности. О некоторых из них было рассказано выше. Остается надеяться, что в дальнейшем исследователи узнают больше о судьбах остальных питомцев Русской гимназии и смогут дать объективную оценку качеству преподавания и воспитания в этом уникальном учебном заведении.

Преподаватели и воспитатели Русской гимназии. 1921–1924 гг.

Стоят: Безбородов Константин Евгеньевич, Вик Петр Алексеевич, Безбородов Николай Евгеньевич, Богенгардт Всеволод Александрович, Елагин Михаил Аркадьевич, Троицкий Константин Константинович. **Сидят:** Курис Елизавета Владиславовна, Макарова Ксения Михайловна, Львова Вера Николаевна, Петров Адриан Петрович, Холоманова Галина Павловна, Богенгардт Ольга Николаевна, Балабин Евгений Иванович.
Сидит на полу: Дрейер Николай Николаевич

Персонал Русской гимназии. 1921–1923 гг.

Стоят: Чернак Яромир (рисование), Кефала Александр Михайлович (химия), Артюхов Александр Георгиевич (воспитатель), Родкевич Иван Львович (математика), Горчуков Мирон Афиногенович (русский язык, психология), Лакида Николай Николаевич (латынь), Левитская Мария Афанасьевна (география), Перемиловский Владимир Владимирович (латынь), Макарова Ксения Михайловна (воспитатель), Карапалкин Сергей Григорьевич (естественная история), Булгаков Сергей Васильевич (воспитатель), Аше Зинаида Густавовна (воспитатель), Пащенко Василий Федорович (дескриптива), Лавдовская Людмила Антоновна (ночн. воспитатель), Поляков Алексей Федорович (математика, физика, дескриптива), Зубарев Сергей Васильевич (воспитатель), Холоманова Галина Павловна (воспитатель), Копылов Дмитрий Сергеевич (воспитатель), Калиновская Анна Николаевна (воспитатель), Савельев Георгий Анатольевич (воспитатель), Перемиловская Елизавета Александровна (врач), Шамшева Мария Ивановна (ночн. воспитатель).

Сидят 2-й ряд: Кривенко Вера Константиновна (воспитательница детского сада), Железняк Евгения Петровна (русский язык, арифметика), Савицкий Павел Олимпиевич (священник, преподаватель закона божьего), Светозаров Владимир Николаевич (директор, преподаватель истории и законоведения), Гнедовский Дмитрий Дмитриевич (заведующий воспит. частью, преподаватель математики и дескриптивы), Фролов Федор Карпович (латынь), Троицкая Екатерина Ивановна (англ. язык).

1-й ряд: Копецкий Платон Васильевич (история, русский язык), Лидерс Наталия Николаевна (французский язык), Камнев Алексей Владимирович (французский язык)

Преподаватели и воспитатели Русской гимназии. 1923–1924 гг.

Преподаватели и воспитатели Русской гимназии. 1923–1924 гг.

Персонал Русской гимназии. Конец 1920-х гг.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : материалы. — М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008. — 408 с.
2. Балабин Е. И. Далекое и близкое, старое и новое. — М. : Центрполиграф, 2009. — 398 с.
3. Бем-Рейзер Т. Украденное счастье. Воспоминания // Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского Зарубежья. Нью-Йорк. — 2008 — № 251, 252.
4. Годовой отчет Русской реформированной реальной гимназии в Моравской Тржебове за 1925–1926 учебный год. — Моравская Тржебова, 1926. — 42 с.
5. Головина А. С. Вилла «Надежда» : стихи, рассказы. — М. : Современник, 1992. — 366 с.
6. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. — М. : Терра-Терра, 1997.
7. Дети эмиграции : сб. статей / под ред. проф. В. В. Зеньковского. — Прага, 1925. — 258 с.
8. Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918–1945. — Прага : RT + RS Servis, 2008.
9. Ждан Д. Русский интеллигент без России. Священник Павел Савицкий // Русское слово. Прага. — 2012. — № 11/12.
10. Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: празднование «Дня русской культуры» // Славяноведение. — 2000. — № 4. — С. 33–38.
11. Отчет о деятельности Правления Союза Русских Педагогов средней и низшей школы в Чехословацкой Республике (9 дек. 1928 г. — 20 дек. 1924 г.). — Прага, 1925. — 12 с.
12. Петров А. П. Первая Константинопольская гимназия Всероссийского Союза Городов // Русская школа за рубежом. Книга 9. — Прага : Издание Объединения Земских и Городских Деятелей в Чехословакии, 1924. — С. 92–118
13. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995 : биографический справочник / Антуан Нивьер. — Москва : Русский путь ; Париж : YMCA-PRESS, 2007. — 574 с.
14. Русская гимназия в Моравской Тржебове, 1920–1930 год : юбилейн. ист. Очерк / В. Светозаров. — Б. м., [1930]. — 40 с.
15. Русский учитель в эмиграции : сборник статей. — Прага, 1926. — 284 с.
16. Bystrov Vladimír. Únosy československých občanů do SSSR v letech 1945– 1955. — Praha, 2003.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Давыдова Л. О преподавателях русской гимназии в Моравской Тржебове // Русская традиция : сайт. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/arkhiv-zhurnala/2022/04-2022/item/1818-o-prepodavatelyakh-russkoj-gimnazii-v-moravskoj-trshebove>. Дата публикации: 23.04.2022.
2. Копршивова А. Аделаида Владимировна Жекулина: пражская вольтерьянка. К 150-летию // Русская традиция : сайт. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/448-adelaida-vladimirovna-zhekulina-prazhskaya-volteryanka-k-150-letiyu>. Дата публикации: 24.01.2016.
3. Копршивова А. Как русские эмигранты праздновали 28 октября // Русская традиция : сайт. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/1069-kak-russkie-emigrantsy-prazdnovali-28-oktyabrya>. Дата публикации: 27.10.2018.
4. Копршивова А. Как русские эмигранты праздновали 28 октября (продолжение) // Русская традиция : сайт. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/1086-kak-russkie-emigrantsy-prazdnovali-28-oktyabrya>. Дата публикации: 25.11.2018.
5. Копршивова А. Судьбы русской эмиграции в Чехословакии = Osudy ruské emigrace v Československu : пер. с чешского // Livejournal : сайт. URL: <https://bohemicus.livejournal.com/132747.html>. Дата публикации: 19.12.2018.
6. Левченко А. Отцовская молитва. Ч. 1 // Международный центр семейной истории и генеалогии : сайт. URL: <https://genealogy.clan.su/publ/13-1-0-47>. Дата публикации: 02.02.2007.
7. Левченко А. Отцовская молитва. Ч. 2 // Международный центр семейной истории и генеалогии : сайт. URL: <https://genealogy.clan.su/publ/13-1-0-48>. Дата публикации: 02.02.2007.
8. Лесовой В. Не футболом единым (Русское спортивное зарубежье. Русский спорт в эмиграции. 1920-1940) // Sports.ru : сайт. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/rusports/>. Дата публикации: 09.04.2023.
9. Микуленок А. А. Русское зарубежье и День русского инвалида в 1920-е гг. (на примере Чехословакии) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 85–89. Электронная версия. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.14>. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-zarubezhie-i-den-russkogo-invalida-v-1920-e-gg-na-primere-chehoslovakii> (дата обращения: 25.10.2023).
10. Михайловский Н. Г. Мои воспоминания о Русской гимназии в г. Моравска Тржебова. // Вместе. Братислава. 2000. № 3 и 4. Электронная версия. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/29-32/mihaylovskiy.htm> (дата обращения: 03.11.2023).
11. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. — М. : Российская государственная библиотека. Отдел литературы русского зарубежья, 1999. Электронная версия. URL: https://archive.org/details/chuvakov-v-n-nezabytue-mogily-tom-4-l-m-2004/Chuvakov_V_N_-_Nezabytue_mogily_-_tom_1_A-B_-_1999 / https://archive.org/details/chuvakov-v-n-nezabytue-mogily-tom-4-l-m-2004/Chuvakov_V_N_-_Nezabytue_mogily_-_tom_5_N-P_-_2004/ (дата обращения: 11.10.2023).
12. Репина О. Именитые гости // Русская традиция : сайт. URL: <http://www.ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/1358-imenitye-gosti>. Дата публикации: 20.09.2019.
13. Участники Белого движения : база данных // Сайт историка Сергея Волкова. URL: <http://www.swolkov.org>.

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ и МОРАВСКОЙ ТРЖЕБОВЕ

Фотоальбом

Предисловие Н. П. Рождественской
Автор-составитель И. В. Козырь

Редактор — И. В. Козырь
Корректор — А. В. Куштынова
Дизайн и компьютерная верстка М. В. Козловой

Подписано в печать 07.03.24. Формат 60 × 90/8
Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSansCTT
Объем 17 п. л. Заказ № 24НФ-035677. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ИП Лесник Е. М.,
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. 3, пом. 101–103

Инициатором издания этого альбома и автором предисловия к нему является заслуженный деятель русской культуры **Нина Петровна Рождественская**, посвятившая многие годы популяризации и возвращению на родину культурно-исторического наследия Русского Зарубежья. За свой самоотверженный труд на этом поприще Нина Петровна награждена орденом Русской православной церкви Святой равноапостольной княгини Ольги III степени. История Русской гимназии в Моравской Тржебове является частью истории семьи Рождественских. В этой гимназии учился дядя Нины Петровны — Олег Алексеевич Рождественский, сын морского офицера, участника Цусимского сражения, старшего лейтенанта А. С. Рождественского. Знакомство с Олегом Алексеевичем открыло для нее мир русской эмиграции первой волны и сердца его друзей. Некоторые из них поделились своими воспоминаниями, фотографиями и документами, ставшими основой альбома, который вы держите в своих руках.

Ближайшим помощником Нины Петровны в создании этого альбома и автором сопроводительного текста стал шеф-редактор издательства «Морское наследие», капитан 1 ранга в отставке **Игорь Витальевич Козыр'**. Одним из направлений его журналистской и издательской деятельности является история русской военно-морской эмиграции. Сотрудничество ветерана-подводника с Ниной Петровной, которое оказалось плодотворным и интересным для обоих, продолжается уже несколько лет. Ранее ими совместно были подготовлены к печати альбомы «Ледяной поход» (2016) и «Русская гимназия в Моравской Тржебове (1929–1933)» (2019), а также сборник «Заветы будущему офицеру флота» (2021).